ПО ПУТИ ВЪ РУССКІЙ АѲОНЪ — СОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ.

Давнымъ давно созрѣло у насъ твердое желаніе лицезрѣть священное мѣсто житія и подвиговъ Друзей Божіихъ—Зосимы и Савватія,—этотъ оплотъ православія нашего Сѣвернаго края, эту мощную духомъ древнихъ подвижниковъ твердыню, чудесно устоявшую молитвами преподобныхъ основателей ея въ Крымскую войну подъ сильной бомбардировкой англійскихъ фрегатовъ, и здѣсь—на Соловкахъ, въ безмятежномъ уединеніи, у ракъ нетлѣнно почивающихъ угодниковъ Божіихъ пролить молитву ко Господу и возвѣстить Ему Единому печали своя. Но по разнымъ причинамъ этому благому желанію суждено было исполниться только въ Майскую треть прошлаго года.

Одинъ ученый сказалъ, что если бы не было вѣры, то ее пришлось бы изобрѣтать. А такъ какъ вѣрующій человѣкъ въ изобрѣтеніи вѣры не нуждается, то ему приходится только радоваться, что Господь надѣлилъ его такимъ величайшимъ благомъ, какъ святая вѣра. Какъ хорошо на душѣ, какъ пріятно вѣрующему человѣку, при сознаніи своего духовнаго убожества, попутешествовать по св. мѣстамъ—этимъ чертогамъ славы Господней!.. Обыденная жизнь, со своими обычными дрязгами, со своей обычной мелочною суетою накопляетъ въ душѣ такую массу нечистоты, что нерѣдко человѣкъ приходитъ въ отчаяніе и говоритъ, что ему жизнь надоѣла; и это отчасти вѣрно: онъ, какъ бѣлка въ колесѣ, все время изо дня въ день вертится, повторяетъ то, что дѣлалъ вчера, онъ завтра будетъ дѣлать что сегодня, и

не видитъ что изъ его верченія выйдетъ. И вотъ его зоветъ какая-то неодолимая сила оставить хотя на время обыденную суету, дать душѣ просторъ. Онъ на себя кладетъ обѣтъ; иногда обѣтъ этотъ временно лишаетъ его тѣлесныхъ удобствъ: можетъ быть, во время странствованія, онъ не доспитъ, не доѣстъ, не допьетъ; испытываетъ онъ утомленіе отъ пути; но за то и въ началѣ и при достиженіи цѣли духъ его наполняется неземною радостью и витаетъ гдѣ то въ другомъ мірѣ и съ другими людьми.

Въ такомъ же торжественно-благоговѣйномъ настроеніи духа и мы веселыми ногами вступили на путь, ведущій къ прославленной обители Соловецкой, съ предположеніемъ посѣтить по возможности и другія попутныя свящ. мѣста, обильныя токами благодати Божіей и ознаменованныя подвигами святыхъ Его.

Проѣздомъ чрезъ родной Харьковъ, мы сочли долгомъ зайти въ каѳедральный соборъ къ мѣстно чтимой иконѣ святителя Николая и, молитвенно испросивъ его благословенія и помощи на такой дальній, трудный и опасный путь, какимъ считается путешествіе на Соловки, съ утреннимъ Курскимъ пассажирскимъ поѣздомъ двинулись на Москву, куда и прибыли на другой день къ 2 часамъ дня. Оставивъ на Московско-Ярославскомъ вокзалѣ вещевой саквояжъ и слѣдуя доброму примѣру благочестивыхъ путниковъ, поспѣшили къ Иверской часовнѣ, чтобы преклониться предъ всечестнымъ ликомъ Богоматери, съ дерзновеннымъ упованіемъ, что Она, Милостивая, не откажетъ намъ, при нашемъ долговременномъ странствованіи, въ своемъ материнскомъ покровѣ и заступленіи отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и избавитъ отъ всякія смертоносныя язвы; затѣмъ зашли въ Кремлевскіе соборы—Успенскій, Благовѣщенскій, Архангельскій и Чудовъ монастырь, гдѣ прикладывались къ чудотворнымъ иконамъ и къ мощамъ почивающихъ тамъ угодниковъ Божіихъ, при чемъ не преминули воспользоваться случаемъ осмотрѣть мѣсто недавней закладки памятника Царю-Освободителю, работа надъ которымъ

была въ полномъ ходу. До сыта налюбовавшись отсюда общимъ видомъ Бѣлокаменной, съ ея поэтическими окрестностями, мы посѣтили потомъ великолѣпный храмъ Христа-Спасителя—достойный памятникъ отечественной войны; не могли не обратить вниманія и на изящные пассажи съ стеклянными сводами,—зданія, какихъ мы не видывали ни въ одномъ изъ русскихъ южныхъ, сѣверныхъ и западныхъ городовъ и на всемъ пути въ Палестину, Египетъ и въ Македонію. Наконецъ, съ ночнымъ поѣздомъ мы отправились по Московско-Ярославской дорогѣ далѣе. Такъ какъ мы уже прежде были въ Лаврѣ преподобнаго Сергія, то на этотъ разъ на станціи «Сергіево» мы только издали поклонились великой ея святынѣ. Когда на другой день открыли глаза, было свѣжее утро, и солнце своими вешними мягкими серебристыми лучами пробивалось къ намъ въ вагонъ; въ этотъ мигъ раздался долгій оглушительный свистокъ, вагоны еле, еле двигаются, не успѣли мы остановиться на открытой площадкѣ одного изъ нихъ, какъ на правой сторонѣ ясно обрисовалась въ полуверстѣ равнина со множествомъ каменныхъ и деревянныхъ строеній и церквей, съ разбросанными во многихъ мѣстахъ прекрасными рощами разновидныхъ деревьевъ; въ это время вагоны остановились и до насъ донесся зычный голосъ кондуктора: «станція Ростовъ, поѣздъ стоитъ 10 минутъ». Оказалось, что бросившаяся намъ въ глаза мѣстность съ зданіями, храмами и рощами и былъ желанный Ярославскій Ростовъ, а потому мы и пожелали остаться въ немъ до слѣдующаго пассажирскаго поѣзда.

Пользуясь тихою весеннею погодой и благорастворенiемъ воздуха, со тщаніемъ пошли мы чрезъ луговину торной тропинкой по направленію къ Ростову и скоро узрѣли лицо его. Ростовъ сразу завоевалъ наши симпатіи стройными мощенными улицами и людностію на нихъ, массою торговыхъ лавокъ, промышленныхъ заведеній и предметовъ потребленія, обиліемъ каменныхъ построекъ и виднѣвшихся изъ-за нихъ зеленыхъ куполовъ и золоченыхъ крестовъ;

Насъ поразилъ болѣе всего наружнымъ своимъ видомъ, а потому и привлекъ первѣе всего наше вниманіе, Ростовскій Кремль. Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда: высокія толстыя стѣны съ амбразурами и внутренними ходами вокругъ, широкими башнями и павильонами, а внутри этихъ стѣнъ болѣе жилыя зданія—напоминали сѣдую старину.

Сначала мы зашли въ Кремлевскую «Бѣлую Палату», построенную въ 1650—1675 году Митрополитомъ Ростовскимъ Іоною. Впослѣдствіи въ этой Палатѣ святитель Димитрій принималъ и угощалъ Царя Петра I-го, а въ 1763 г. въ стѣнахъ ея была Императрица Екатерина Великая, прибывшая въ 1763 году въ Ростовъ для присутствованія при торжествѣ переложенія мощей свят. Димитрія. Вообще же Бѣлая Палата служила парадною столовою Ростовскихъ владыкъ, а въ настоящее время назначена для помѣщенія въ ней музея церковныхъ древностей и собранныхъ древлерусскихъ памятниковъ, съ цѣлью сохраненія ихъ отъ уничтоженія. Такихъ древнихъ предметовъ собрано по настоящій годъ болѣе 3000 нумеровъ, какъ то: священныхъ облаченій, потировъ или чашъ, изъ коихъ обращаютъ на себя вниманіе три деревянныхъ, относящихся къ XV и XVI в. выкрашенныхъ въ темно-красный цвѣтъ съ изображеніемъ Дѣйисуса; по ободку одного потира идетъ надпись славянскими буквами: піите отъ нея вси, се есть кровь Моя Новаго Завѣта, еже за вы и за многія..; множество дискосовъ, звѣздицъ, лжицъ, дарохранительницъ,—изъ нихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе—оловянные въ формѣ ящика XVII в. и желѣзная—XVI в. трехъ-угольная, на закрышкѣ которой выбито извнутри распятіе,—напрестольныхъ крестовъ, антиминсовъ, Евангелій, кадильницъ, хоругвей, выносныхъ слюдяныхъ фонарей, воздуховъ, пеленъ и богатыхъ покрововъ, сосудовъ для благословенія хлѣбовъ, архіерейскихъ посоховъ и сѣдалищъ, царскихъ вратъ, деревянныхъ и жестянныхъ подсвѣчниковъ, употреблявшихся въ старину въ храмахъ и такихъ же лампадъ, и множество складней и иконъ, изъ коихъ достопримѣчательна по своей ориги-

нальности и исключительности икона Тріипостаснаго Божества, на которой Господь Саваоѳъ изображенъ въ священнической фелони держащимъ тѣло Господа Іисуса Христа, надъ главою котораго изображенъ Духъ Святый въ видѣ парящаго голубя. На этой иконѣ находится надпись: «Да благословенна будетъ Св. Троица во вѣки вѣковъ.»

Есть не малая коллекція брачныхъ вѣнцовъ, большая часть которыхъ относится къ XVII в. Изъ нихъ особенно замѣчательны: деревянные позолоченные рѣзные, съ изображеніемъ царя Константина и царицы Елены; желѣзные, золоченные, ажурной работы; желѣзные крашенные, съ изображеніями и ручкой, чтобъ держать ихъ на головахъ брачущихся.

Нельзя умолчать и о богатомъ собраніи монетъ, медалей и жетоновъ, выбитыхъ въ память различныхъ событій русской исторіи, — монеты преимущественно Римскія, но есть и византійскія. Также нельзя не замѣтить и множества рукописей, въ количествѣ 120 томовъ, автографовъ и древнихъ актовъ, жалованныхъ и ставленныхъ грамотъ и старопечатныхъ книгъ.

Въ особо устроенной, тутъ же стоящей витринѣ, подъ стеклянными колпаками, находятся 10 камертоновъ о. Аристарха Израилева. Эти камертоны воспроизводятъ въ точности всѣ роды прекраснаго звона колоколовъ Ростовскаго Успенскаго собора, пріобрѣвшаго общую извѣстность и славу своею необыкновенною гармоніею.

Въ составъ музея входитъ еще собраніе портретовъ наиболѣе замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей. Достойны вниманія портреты патріарха Никона и Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, мѣстоблюстителя патріаршаго престола, близкаго друга св. Димитрія Ростовскаго, который согласно завѣщанію и погребалъ тѣло сего послѣдняго. Портретъ Арсенія Мацѣевича, митрополита Ростовскаго, лишеннаго потомъ сана и монашескаго чина и подъ именемъ «Андрея враля» сосланнаго подъ строгое заключеніе въ Ревельскую крѣпость. Портретъ Филарета митрополита

Московскаго въ бытность его архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ. Портретъ св. Димитрія митрополита Ростовскаго, который, по преданію, писанъ при жизни святителя; въ верху портрета имѣется слѣдующая надпись: «Персона преосвященнаго Димитрія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго.»

Чтобы разсмотрѣть подробно и со вниманіемъ расположенные въ Ростовскомъ музеѣ предметы древне-русскаго церковнаго характера, нужно располагать временемъ на нѣсколько дней, которыхъ у насъ не было въ запасѣ, а потому послѣ двухчасоваго обзора ихъ, мы перешли въ терема, находящіеся въ одной связи съ Бѣлой Палатой, въ которыхъ размѣщены предметы, не относящіеся до церковной археологіи, а до исторіи и этнографіи вообще и въ частности мѣстнаго края, а потому и не помѣщенные въ музей, имѣющій опредѣленный характеръ, а между тѣмъ достойные вниманія. Количество ихъ восходитъ до тысячи нумеровъ, а быть можетъ и болѣе, но мы ограничились обзоромъ болѣе древнихъ и интересныхъ въ научно-историческомъ отношеніи и остались весьма признательными собирателямъ древностей, хранителямъ ихъ и учредителямъ Ростовскаго музея, доставившимъ намъ возможность ознакомиться съ такими предметами, о которыхъ мы до этого не имѣли никакого понятія.

Рекомендуемъ и всѣмъ любителямъ отечественной церковной археологіи, проѣзжая по Московско-Ярославской дорогѣ, не миновать Ростова и непремѣнно побывать въ названномъ музеѣ; мы увѣрены, что останутся довольны этимъ осмотромъ.

Проходя мимо Успенскаго собора, стоящаго посреди Кремля, мы, послѣ разныхъ мытарствъ отыскиванія уполномоченнаго отверзать двери онаго, наконецъ вошли во храмъ Обрадованной и во успеніи своемъ насъ не оставляющей и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ созерцали внутреннія красоты его, окованныя, въ большинствѣ, золотомъ и серебромъ. Нѣсколько разъ останавливались у ракъ Ростовскихъ

чудотворцевъ Леонтія, Исаіи и Игнатія для воздаянія должнаго поклоненія, для молитвы и лобызанія св. мощей ихъ. Въ юго-восточномъ углу олтаря, въ пещерѣ, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. епископа Леонтія, намъ указали на вощаницу — большой сосудъ, до верха налитый желтымъ воскомъ, съ воткнутыми въ него фителями для неугасимаго горѣнія. Въ томъ же соборномъ храмѣ, въ иконостасѣ находится древняя чудотворная икона Божіей Матери, именуемая Владимірскою, потому что прислана въ Ростовъ отъ в. к. Владиміра Мономаха, нѣсколько разъ остававшаяся невредимою при разрушительныхъ пожарахъ. Она писана преп. Алипіемъ, иконописцемъ печерскимъ.

Послѣ краткаго отдыха, преодолѣвъ немощи плоти и духа, мы отправились въ загородный Яковлевскій монастырь, наружный видъ котораго внушительныхъ размѣровъ, и еще издали невольно манитъ путника заглянуть въ него. Мы издавна горѣли желаніемъ лицезрѣть мѣсто служенія, подвиговъ и вѣчнаго упокоенія великаго іерарха и любимаго нами учителя русской церкви, а болѣе всего, какъ неоцѣненнаго составителя Четьихъ-Миней—этихъ перловъ народнаго чтенія... и поклониться нетлѣннымъ его останкамъ... и имѣли духовное утѣшеніе лобызать многоцѣнныя руки святителя Димитрія, начертавшія столь дорогія и отрадныя сердцу вѣрующаго нравственные спасительные уроки, и возжечь свѣчу предъ его ракой.

Идя обратно монастырскимъ садикомъ, мы увидѣли монаха въ ветхомъ рубищѣ, стоявшаго на лѣстницѣ и отпиливавшаго сухія вѣтви на деревьяхъ, и вступили съ нимъ въ бесѣду. Вотъ, говорилъ онъ между прочимъ, сколько я ни хлопочу объ этомъ садикѣ, я ничего не подѣлаю, и вижу что это дѣло мнѣ не дастся въ руки и непремѣнно нуженъ сюда садовникъ, а я, грѣшный намѣстникъ здѣшней обители, хотя бы воздѣлалъ ввѣренный мнѣ духовный вертоградъ. Пріятно насъ поразило такое рѣдкое въ нынѣшнее время смиреніе сего раба Божія.

Отсюда мы спѣшили обратно въ Кремль ко всенощной и чтобы не пропустить музыкальнаго звона въ ростовскіе

колокола, знаменитые во всей Россіи по своей оригинальности и не опоздали. Онъ производится на колокольнѣ Успенскаго собора цѣлымъ рядомъ 13 колоколовъ, выплитыхъ съ извѣстнымъ опредѣленнымъ звукомъ, могущихъ поэтому производить звоны вполнѣ правильные въ музыкально-гармоническомъ отношеніи. Первый большой колоколъ носитъ названіе *Сисой*, въ честь родителя митрополита Іоны, вѣситъ онъ 2.000 пудовъ, и имѣетъ тонъ *до*. За нимъ слѣдуетъ такъ-называемый *полелейный* колоколъ въ 1.000 пудовъ, тономъ *ми*, наконецъ послѣдній изъ трехъ большихъ колоколовъ, будничный или вседневный, носитъ наименованіе *Лебедь*, вѣситъ онъ 500 пудовъ и издаетъ тонъ *соль*. Изъ остальныхъ десяти меньшихъ колоколовъ: первый *Голодарь* въ 171 пудъ, второй *Баранъ* вѣситъ 80 пудовъ, третій *Красный* вѣсомъ въ 30 пудовъ, наконецъ четвертый *Козелъ* вѣситъ 20 пудовъ. Остальные же шесть малыхъ не имѣютъ ни наименованій, ни означенія вѣса. По тонамъ они всѣ гармонируютъ первымъ тремъ колололамъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ звонъ на Ростовской колокольнѣ производится во всѣ колокола и всѣми пятью соборными звонарями. Намъ удалось съ полнымъ вниманіемъ выслушать этотъ воскресный звонъ и признаемся, что гармоническое и мелодическое сочетаніе его звуковъ и умиляло и восторгало нашу душу: они воспроизводили нотное—«Пріидите поклонимся Цареви, нашему Богу». За всенощной прекрасно пѣли пѣвчіе, а седмичный іерей поразительной октавой и образцовою интонаціей при возгласахъ и чтеніи Евангелія плѣнялъ предстоящихъ и молящихся. Достоинъ замѣчанія и подражанія всѣхъ производящихъ куплю и продажу эпизодъ изъ обыденной жизни ростовцевъ: они, какъ только заслышали звонъ ко всенощной, ту жъ минуту стали запирать торговыя заведенія и устремились въ Домъ Господень, а равно и торгующіе на базарныхъ столахъ.

Свящ. А. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПО ПУТИ ВЪ РУССКІЙ АѲОНЪ—СОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ.*)

Изъ ростовскихъ кремлевскихъ башенъ открывается изящный видъ всего города и разстилается скатертью вся даль близъ лежащаго озера—Неро, простирающагося въ длину на 25 верстъ, въ ширину на 10 в. и придающее ему много этнографической важности и прелести.

Полюбовавшись на озеро, мы успѣли еще побывать въ древнѣйшемъ Авраміевомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Тамъ мы благоговѣйно приложились къ мощамъ преп. архимандрита Авраамія, Ростовскаго чудотворца, и къ мѣдному кресту, которымъ благословилъ его, въ чудномъ видѣніи, св. ап. Іоаннъ Богословъ, для сокрушенія идола Велеса. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ идолъ, находится теперь древняя деревянная Богословская церковь на рѣкѣ Ишнѣ. Мы видѣли ее, подъѣзжая къ Ростову, на правой сторонѣ отъ дороги.

Свѣтлый день склоняется къ вечеру; кругомъ тишь да гладь; все навѣваетъ на душу мирное спокойствіе; мы направились къ Ростовскому вокзалу въ ожиданіи поѣзда; за нами поминутно являются новые и новые пассажиры, тамъ и сямъ раздаются неспокойные голоса. Но вотъ пробилъ сигнальный колокольчикъ, и все мигомъ разлетѣлось по вагонамъ,—нашли и мы уютное мѣстечко въ вагонѣ для некурящихъ; было уже за полночь... часъ, другой—и раннее утро привѣтствуетъ насъ съ пріѣздомъ въ Ярославь. Лихія

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1894 г.

линеечныя тройки подхватываютъ пассажировъ и вихремъ мчатъ по далеко протянувшимся улицамъ красиваго города, съ которымъ намъ желательно было ознакомиться покороче, для чего мы и остановились въ одной изъ центральныхъ его гостинницъ. Улучивъ удобное время, мы первѣе всего отправились въ ближайшій мужскій монастырь, занимающій большое пространство на двѣ улицы, застроенный громадными каменными зданіями, которые наглядно говорятъ о его благосостояніи. Это бывшій Спасскій монастырь, обращенный въ архіерейскій домъ, когда каѳедра мѣстныхъ владыкъ перенесена была изъ Ростова въ Ярославль. Здѣсь одно, довольно обширное зданіе наполнено богатѣйшею ризницею архіерейскою, перевезенною изъ Ростова. Въ ней особенно замѣчательны два саккоса, съ изображеніями страстей Господнихъ и двунадесятыхъ праздниковъ, щедро обнизанными, равно какъ и принадлежащіе къ нимъ омофоры, палицы и поручи, довольно крупнымъ жемчугомъ. Эти великолѣпныя облаченія устроены неутомимымъ строителемъ митрополитомъ Іоною. Въ одномъ изъ богато обставленныхъ храмовъ монастыря мы имѣли утѣшеніе молиться предъ мощами св. князей Ѳеодора, Давида и Константина, а потомъ побывали въ 10-ти древнихъ церквахъ города, въ томъ числѣ и въ соборной, гдѣ почиваютъ мощи благовѣрныхъ князей Василія и Константина Ярославскихъ чудотворцевъ; зашли и въ женскій Казанскій монастырь, здѣсь въ то время шла литургія, совершеніе которой, при стройномъ пѣніи клирошанокъ, духовно усладило наши чувства. Любовались долго бѣлокаменными городскими постройками, раскинутыми щедрою рукою по всѣмъ направленіямъ, прошли и по скверамъ, какихъ мало гдѣ встрѣтишь и въ нашихъ южныхъ городахъ, содержимымъ весьма опрятно и со всѣми удобствами для публики. Вообще Ярославль произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе, какъ благоустроенный городъ, особенно радующій путника множествомъ храмовъ (до 40), удобный и по дешевизнѣ гостинныхъ номеровъ.

Въ 10-ть часовъ насъ подвезли къ красавицѣ-Волгѣ,

широко раскинувшейся по пригородней равнинѣ. Плывя на другой берегъ ея къ Вологдо-Ярославскому вокзалу, мы все время любовались красивымъ ландшафтомъ Ярославля съ сѣверо-восточной стороны, а сидя въ вагонахъ около двухъ часовъ, продолжали отсюда тѣшить глаза русскимъ гигантомъ-рѣкой, извѣстной намъ доселѣ только изъ географіи, и наслаждаться быстроходными, особой интересной конструкціи и изящнаго типа, такъ называемыми американскими пароходами.

Поѣздъ на Вологду составился не большой, но съ чистенькими и свѣжими вагонами и практичною внутреннею обстановкою, гдѣ мы съ большимъ удобствомъ и расположились. Дорога все шла по безграничной равнинѣ, почти сплошь покрытой густыми лѣсами ели, сосны, березы и изрѣдка черемухи, по скудной глинисто-песчаной почвѣ, кое-гдѣ на открытыхъ полянахъ засѣянной ячменемъ и овсомъ, едва пробивавшимися наружу. Въ самую Вологду мы пріѣхали въ 8 часовъ вечера и съ вокзала отправились на пароходную пристань рѣки Сухоны, чтобы сей часъ же ѣхать дальше, на Архангельскъ; но, къ сожалѣнію, къ этому времени не пришелъ срочный пароходъ, и мы вынуждены были сидѣть на мѣстѣ три дня, которые, впрочемъ, не прошли безслѣдно и посвящены были обозрѣнію Вологды и ея храмовъ. Услыхавъ въ слѣдующее утро звонъ въ ближайшей церкви, именуемой *Спасообыденною*, мы взошли въ нее и пріятно были поражены примѣрною чистотой и щепетильною опрятностію всѣхъ частей ея, отъ расписанныхъ сводовъ и до пола, почти сплошь покрытаго красивыми коврами, и грандіознымъ античнымъ пятияруснымъ иконостасомъ, блистающимъ ослѣпительною, какъ бы сей часъ произведенною позолотой и установленнымъ по карнизамъ, начиная отъ царскихъ вратъ и до верха до послѣдняго яруса, рѣзными во весь ростъ раззолоченными фигурами Ангеловъ, въ нижнемъ первомъ ярусѣ обращенныхъ лицами къ олтарю и указующихъ перстами на св. престолъ, а въ остальныхъ ярусахъ Ангеловъ, держащихъ въ рукахъ

орудія казни Спасителя какъ-то: крестъ, терновый вѣнецъ, трость, гвозди, бичи, копье и проч., что производитъ своего рода впечатлѣніе на душу зрителя. Мы нарочито упомянули объ этомъ, потому, что у насъ въ Малороссіи, во храмахъ нигдѣ подобной обстановки не увидишь, хотя мы и поближе къ католической Польшѣ. Недалеко отъ рѣшетки предъалтарной отгорожено царское мѣсто, изъ надписи на немъ видно, что эту церковь посѣщали Государи Александръ I и II и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. На солеѣ, противъ царскаго мѣста, съ правой стороны, невольно обращаетъ ваше вниманіе возлежащій на аналоѣ чудотворный образъ Всемилостиваго Спаса, покрытый золотою ризою и усѣянный драгоцѣнными камнями, предъ которымъ и мы преклонили колѣна и прикоснулись къ Нему своими грѣшными и нечистыми устами.

По сказаніямъ здѣшнихъ жителей, отъ сего пречистаго Образа истекаетъ много чудотвореній, и не такъ давно исцѣлился одинъ чиновникъ морскаго вѣдомства, проѣзжавшій чрезъ Вологду на службу въ Архангельскъ и страдавшій нескончаемою лихорадкой и сильными головными болями, доводившими его до изступленія. Узнавъ краткую исторію Спасообыденнаго храма, онъ, взошедши въ него, со слезами молилъ Всемилостиваго Спаса простить его и исцѣлить отъ тяжкихъ недуговъ, и затѣмъ приложился къ чудотворной иконѣ Его. Послѣ обѣдни ему стало легче, онъ скоро уснулъ, что прежде бывало съ нимъ рѣдко, и всталъ совершенно здоровымъ. Успокоившись отъ волновавшихъ его чувствъ и обильныхъ радостныхъ слезъ, онъ съ первымъ ударомъ колокола опять былъ въ храмѣ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ Всемилостивѣйшему Спасу за исцѣленіе его отъ той болѣзни, которая не поддавалась практикѣ самыхъ лучшихъ врачей и свѣтилъ науки въ теченіе многихъ лѣтъ. Сообщаемъ объ этомъ для того, чтобы и другіе страждущіе, направляя путь свой въ Соловецкую Обитель чрезъ Вологду, припомнивъ разсказанный мною случай чудеснаго исцѣленія, не преминули бы

посѣтить и Спасообыденную церковь и помолиться съ вѣрою предъ образомъ Всемилостиваго Спаса, въ чаяніи цѣлебной помощи отъ Него. Этотъ храмъ прежде былъ дѣревянный, построенный жителями Вологды по обѣту въ одни сутки, во время страшнаго морового повѣтрія 1655 года. По освященіи церкви зараза вскорѣ прекратилась. Нынѣшняя каменная церковь заложена въ 1698 году.

Вологда, при 17.000 жителей, имѣетъ до 40 церквей, изъ коихъ мы посѣтили до 8-ми; всѣ они по наружному виду отдаютъ сѣдою стариною—не хитро устроены, но безукоризненно чисты внутри, изящно разукрашены, сіяютъ серебромъ и златомъ, точно сегодня реставрированныя. Да будетъ хвально и прославленно имя ревнителей и любителей благолѣпія вологодскихъ храмовъ! Не утерпѣли мы, чтобы не посѣтить и здѣшней духовной семинаріи, зданія которой раздѣлены на два подворья, устроенныя по правому и лѣвому берегамъ рѣки Вологды, изъ коихъ въ первомъ (подворьи) помѣщаются классы и церковь, а вовторомъ—общежитіе. Такъ какъ былъ въ это время день воскресный, то мы взошли и въ церковь, помѣщающуюся въ довольно обширной и свѣтлой комнатѣ, литургію совершали соборомъ три преподавателя семинаріи; избранные изъ учащихся пѣли довольно стройно положенныя пѣснопѣнія, а остальные воспитанники, одѣтые въ однообразные черныя сюртуки, стояли чинно стройными рядами и по усвоенной дисциплинѣ дѣлали своевременно поклоны и колѣнопреклоненія. Намъ въ особенности понравилась проповѣдь здѣшняго же наставника, іеромонаха Палладія, въ которой онъ, между прочимъ, обращался съ словомъ назиданія и убѣжденія и къ оканчивающимъ курсъ семинаріи: чтобы они, какъ достаточно подготовленные умственно и нравственно къ воспріятію будущаго званія, приступали къ поднятію и несенію бремени онаго безъ смущенія и боязни, въ твердомъ упованіи, что Пастыреначальникъ Господь Іисусъ не оставитъ ихъ безъ своей благодатной помощи во всѣ дни ихъ жизни, если только они будутъ совершать служеніе

Ему въ правдѣ, преподобіи и истинѣ, и полагаться во всемъ не на свои силы, способности и знанія, а на силу Божію, творящую чудная, славная же и изрядная и въ самыхъ немощныхъ.

Мимоходомъ осматривали и каѳедральный соборъ, довольно обветшалый, устроенный на подобіе Московскаго Успенскаго, и примыкающее къ нему архіерейское подворье, обнесенное высокими крѣпостными стѣнами на подобіе Кремлевскихъ. Здѣсь привлекаетъ ваше вниманіе мелодическій своеобразный звонъ множества старинныхъ колоколовъ на здѣшней довольно высокой церковной башнѣ, какого намъ не приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ. Посѣтили и Троицкій мужской монастырь, въ которомъ почиваютъ подъ спудомъ мощи препод. Галактіона и Іоасафа. Идя за симъ по направленію къ своей квартирѣ мы увидали на одномъ изъ встрѣчныхъ зданій надпись «Кустарный Музей вологодскаго земства» и сочли небезъинтереснымъ познакомиться съ выставленными въ немъ издѣліями края. Кстати замѣтимъ, что мы нашли тамъ разные галантерейные предметы, сдѣланные изъ роговины, разныхъ металловъ, дерева и кожи такъ изящно, въ особенности кружева, что могутъ удовлетворять самому прихотливому вкусу, и ни чуть не хуже заграничныхъ вещей въ этомъ родѣ, но цѣны на нихъ такъ высоки, сравнительно даже съ нашими Харьковскими, что помянутыя издѣлія могутъ, современемъ, недвигаясь съ мѣста по недоступности назначенныхъ на нихъ цѣнъ, составить новое недвижимое имущество Вологодскаго земства. Наконецъ, предъ выѣздомъ изъ Вологды, прошли въ прекрасный небольшой скверъ, гдѣ находится домикъ Петра I, въ которомъ, по преданію, имѣлъ пребываніе сей преобразователь Руси; тутъ же на особомъ возвышеніи красовались крошечная пушка и висящая подъ навѣсомъ мѣдная толстая въ формѣ колокола доска, напоминающія собою эпоху его царствованія,—послѣдняя, по всей вѣроятности, была корабельною принадлежностію для подачи сигналовъ

во время тумана и для сбора матросовъ по служебнымъ требованіямъ.

Собираясь покинуть Вологду для дальнѣйшаго слѣдованія въ Соловецкую обитель по водамъ, протянувшимся за тысячу верстъ слишкомъ, намъ желалось благословиться въ добрый путь у мѣстнаго владыки Израиля, святителя право правяща, но въ это время онъ освящалъ церковь въ отдаленной окрестности города, за рѣкой, куда мы не имѣли возможности добраться. А потому съ несытымъ сердцемъ отправились прямо въ пароходную каюту, чтобы заблаговременно запастись билетомъ, въ виду массы скопившихся пассажировъ, такъ какъ это былъ только второй рейсъ на Архангельскъ со дня открытія весенней навигаціи. Въ 10 часовъ вечера 24 мая поданъ былъ водный экипажъ по имени «Вычегда», и мы съ семирублевымъ билетомъ вошли во второклассный залъ, биткомъ набитый людомъ разныхъ племенъ и нарѣчій, мущинъ, женщинъ и дѣтей; крикъ и гвалтъ первыхъ, плачъ и визгъ послѣднихъ—олицетворенное вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, во всю ночь игра въ карты и ссоры изъ-за нихъ подпившихъ кулаковъ не давали намъ покоя и сна въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ, а сильные холода, съ бушевавшимъ все время порывистымъ вѣтромъ, не всегда позволяли намъ выдти на палубу, чтобы хотя здѣсь на время поосвѣжиться и поотдохнуть; да и пробраться на нее было не легко, за неимовѣрной тамъ тѣснотой отъ пассажировъ и ихняго багажа, по неимѣнію свободнаго пространства, плотно сдвинувшихся въ одну массу, точно большой пчелинный рой на малой древесной вѣткѣ. При такомъ угнетенномъ положеніи, къ счастію, сосѣдомъ намъ по койкѣ пришелся одинъ молодой человѣкъ, ѣхавшій изъ Питера на свою родину въ Архангельскую губернію, въ высшей степени симпатичный, веселый, говорунъ, удивлявшій насъ, при его сравнительной молодости (23 л.), своею громадною начитанностію и солидными знаніями по всѣмъ отраслямъ наукъ, даже спеціально богословскихъ, и обладавшій изумительною памятью,

и при этомъ, что рѣдко попадается, опытностію и тактомъ мудраго старца; это былъ по истинѣ, воплощенная, живая ходячая энциклопедія. Благодаря-то въ высшей степени пріятной бесѣдѣ съ нимъ, время шло незамѣтно; всѣ каютные безпокойные сеансы шли безслѣдно для насъ, даже назойливые запросы желудка о ястіи и питіи подчасъ оставляемы были безъ удовлетворенія, да и весьма кстати, ибо въ пароходномъ буфетѣ ничего постнаго—ни горячаго, ни холоднаго—не имѣлось, кромѣ кипяченой воды.

Временами, улучивъ удобную минутку, когда истомленная палубная публика непробудно почивала, мы, чуть не по плечамъ и спинамъ ея, а индѣ по ребрамъ скамеекъ и по карнизамъ, пробирались на верхъ въ капитанскую рубку и отсюда досыта любовались дивными прибрежными картинами сѣверной природы, щедро разбросанными вездѣ всемогущей десницей Міросоздателя, какъ бы взамѣнъ тѣхъ даровъ, коими наслаждаются жители юга. Кромѣ глубокихъ и широкихъ рѣкъ, по которымъ бороздила наша «Вычегда», по сторонамъ то и дѣло виднѣлись заливы, озера, притоки, ручейки и другія водныя вмѣстилища, въ которыхъ копошились раки, вскидывалась рыба въ громадномъ количествѣ, и плавала и кружилась разнаго рода водяная дичь,—это разъ; а вѣковые хвойные въ промежку съ другими древесными породами лѣса, протянувшіеся по берегамъ рѣкъ чуть не на цѣлыя тысячи верстъ въ длину и на необозримыя пространства вширь, наполненные массой лѣсныхъ четвероногихъ, какъ-то: медвѣдей, волковъ, зайцевъ, лисицъ, бѣлокъ и пр., и міріадами дичи, въ особенности рябчиковъ, (въ годъ ихъ добывается до 2-хъ милліоновъ, отправляемыхъ во внутреннія губерніи),— все это даетъ и лакомую пищу въ добавокъ къ скудному и черному кусочку ржаного или ячнаго хлѣба, и средства достаточныя къ безбѣдному существованію, въ особенности сбытъ лѣса за границу и добываемые изъ него деготь, смола и скипидаръ. При этомъ невольно вспоминается черноземная полоса—нашъ теплый южный край,—такъ обильный

лучшими хлѣбными продуктами, огородными овощами и садовыми плодами, но весьма бѣдный водами, лѣсами, рыбой и дичью... Даже въ большихъ городахъ, при средствахъ, негдѣ въ сильные жары окунуться и освѣжить грѣшное тѣло, а зимой безъ затрудненія достать дровъ для согрѣванія его; о свѣжей же рыбѣ могутъ мечтать только счастливцы міра сего.

Сидя въ каютѣ-залѣ за чаемъ, мы нежданно познакомились и сблизились съ другимъ юношей, ѣхавшимъ домой въ Архангельскъ для свиданія съ родными, и бывшимъ намъ пріятнымъ попутчикомъ до названнаго города. Онъ оказался ягодой съ нашего поля — студентомъ, только на дняхъ окончившимъ курсъ въ Казанской академіи, въ которой спеціально готовился быть миссіонеромъ среди татаръ и намѣтившимъ себѣ районъ для избранной миссіи въ Туркестанскомъ краѣ. При немъ были и руководственныя книги на татарскомъ и арабскомъ языкахъ (сходныхъ между собою), въ томъ числѣ и Коранъ, который онъ по временамъ и читалъ намъ съ переводомъ на русское нарѣчіе. На интересномъ разговорѣ о Казани и ея духовныхъ дѣлателяхъ по Академіи и епархіи, мы прерваны были возгласами: «пристань — Устья, Устья» и наплывомъ новыхъ пассажировъ, которые все время и мѣшали намъ въ нашихъ миссіонерскихъ диспутахъ.

На другой день въ полдень наша «Вычегда» начала сильно и усердно посвистывать и затѣмъ причалила къ берегамъ г. Тотьмы, въ монастырѣ котораго почиваютъ мощи препод. Ѳеодосія, бывшаго при жизни работникомъ на здѣшнихъ солеварницахъ, и гдѣ нынѣ проживаетъ на покоѣ преосвященный Наѳанаилъ, бывшій дважды епископомъ Архангельскимъ. Пользуясь часовой стоянкой парохода, мы отправились въ городъ, который намъ очень приглянулся: стоитъ онъ на возвышенности, весь въ зелени; далеко протянувшіяся прямыя улицы съ хорошей мостовой и тротуарами, изящными каменными и деревянными домиками, многочисленными лавками, семью церквами, множествомъ

кудреватыхъ деревьевъ, тянувшихся стройными рядами по улицамъ и площадямъ и между постройками, наконецъ чистота, опрятность и благорастворенность воздуха даютъ ему видъ благоустроеннаго во всѣхъ отношеніяхъ городка, такъ что его можно поставить въ образецъ для подражанія хозяевамъ и другихъ городовъ. Въ немъ, кромѣ присущихъ каждому уѣздному городу учрежденій, существуетъ мужское духовное училище. Но намъ особенно понравился монастырь, находящійся въ $1^1/_2$ верстномъ разстояніи отъ пристани къ югозападу отъ города. Пяти-ярусная высокая колокольня, три каменныя громадныя церкви, длинные трехъэтажные корпуса и готическія башни по угламъ монастырской стѣны производятъ пріятное впечатлѣніе прежде, нежели вы войдете во врата св. обители; вся же красота внутри ея: геометрически разбитые полисадники съ распустившимися цвѣтами, группы зеленѣющихъ рощъ, примѣрная чистота въ самыхъ церквахъ, блистающихъ ослѣпительною позолотой изящныхъ иконостасовъ и лѣпотою священныхъ украшеній; привѣтливость и услужливость приставниковъ, — все сказанное невольно заставляетъ изречь похвальное слово къ чести и славѣ обители и къ поощренію служащихъ и труждающихся въ ней отецъ и братій. Рака, въ которой почиваютъ мощи св. Ѳеодосія, а равно и балдахинъ надъ ними литые изъ чистаго серебра, вѣсомъ не менѣе 50 пудовъ; здѣсь мы служили молебенъ святому угоднику и, приложившись къ ручкѣ его, перешли въ ризницу, въ которой кромѣ нѣсколькихъ десятковъ, разшитыхъ золотомъ и серебромъ дорогихъ свящ. облаченій, есть прекрасные и цѣнные покровы на св. мощи; здѣсь же въ шкафу намъ показывали нѣсколько вещей, пожертвованныхъ Императоромъ Александромъ I, какъто: два Евангелія, усыпанныя брилліантами, архимандричій кабинетный крестъ и два напрестольныхъ—тоже украшенные драгоцѣнными камнями; кромѣ того: тѣльный крестъ Петра I и братина, а въ особомъ ковчегѣ хранится часть толстой деревянной крышки отъ гроба угодника, полуизгрызенной богомольцами

отъ зубной боли, и тутъ же его обувь, въ которой работалъ на солеварни, и башмаки, въ коихъ былъ погребенъ и которые съ благоговѣніемъ и усердіемъ цѣловали всѣ путники.

Здѣсь, на мѣстѣ подвиговъ и упокоенія препод. Ѳеодосія и поклоненія ему, намъ пришли на память прекрасныя мысли, высказанныя приснопамятнымъ русскимъ златоустомъ, пр. Иннокентіемъ, при служеніи его на соляномъ заводѣ г. Тотьмы, на которомъ (заводѣ) работалъ при жизни названный угодникъ. «Кто теперь, восклицаетъ онъ, обращаясь къ рабочимъ, преподобный Ѳеодосій Тотемскій? Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ же дѣломъ, коимъ занимаетесь и вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи такъ называемые черные труды убѣлиться душею своею паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солію земли Тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? Тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую обработывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова писанія — (слово ваше, да будетъ солію (благодати) растворено) и понуждала его стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль (чистоты, постоянства, благопріятности и пр.). Сидя у огня, на коемъ варилась соль, Ѳеодосій всегда переносился мыслію къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: Если огонь, разведенный моими руками, такъ нестерпимъ и ужасенъ, то каковъ долженъ быть огонь, возженный десницею Всемогущаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ, нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ

жестокаго мученія: то какова должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ въ огонь вѣчный? Такъ размышлялъ самъ съ собою преподобный и страхомъ вѣчныхъ мукъ спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Св. угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, заключаетъ свое слово Архипастырь, дабы оставить вамъ примѣръ: подражайте ему; тогда огонь, почти неугасимо горящій у васъ, будетъ производить сугубое дѣйствіе: образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ содѣйствовать къ образованію духовной соли (чистоты и добрыхъ качествъ) внутри васъ въ душахъ и сердцахъ вашихъ.»

Прибавимъ отъ себя: этотъ урокъ далеко не лишній и для всѣхъ насъ! И мы живемъ возлѣ гари и шума мірской суеты; и мы каждый день и по нѣсколько разъ употребляемъ соль, какъ необходимую приправу къ ястію,—да водимся же и мы всегда при этомъ сими назидательными мыслями и уроками незабвеннаго учителя русской церкви.

Такъ какъ истекалъ срокъ стоянки и отдыха нашему рѣчному Пегасу, то мы, сколько было возможности, поспѣшили къ пристани, и лишь только спустились къ ней, какъ «Вычегда» заржала вторично, затѣмъ еще... взвились клубы дыма, запѣнилась Сухона, затараторили колеса... и Тотьма скоро скрылась изъ нашихъ глазъ.

Холодъ и рѣзкій сѣверный вѣтеръ попрежнему докучаютъ намъ и леденятъ нашу стариковскую кровь, тѣмъ болѣе, что мы не запаслись и подходящимъ средствомъ изъ дому для отраженія ихъ, въ упованіи на лѣтнюю пору. Часто причаливаемъ къ берегамъ для припасенія корма нашему «Коню» въ видѣ дровъ. Пользуясь этимъ, палубные пассажиры мигомъ соскакиваютъ на берегъ, чтобы размять одеревенѣвшія отъ тѣсноты и окоченѣвшіе отъ холода члены, причемъ одни изъ нихъ продѣлываютъ такіе алюры, къ общей потѣхѣ, какихъ не покажетъ и иной заѣзжій акробатъ, а другіе бѣгомъ таскаютъ къ паровику насущ-

ную его пищу — топливо. Закончивъ операцію, плывемъ дальше и дальше по кипятящейся поверхности Сухоны.

Вечеромъ того же дня многіе изъ пассажировъ здѣшняго края выказывали безпокойство, какъ бы не проспать восхитительнаго пейзажа прибрежнаго мѣстечка, называемаго «Опоки», но мы проѣзжали мимо его на другой день утромъ и насъ торопили взойти на палубу полюбоваться имъ. Это есть ничто иное, какъ вертикальная отвѣсистая въ 50 саженъ вышины скала надъ правымъ берегомъ самой рѣки, верхняя точка которой скалы покрыта гигантскими рощами съ разбросанными между ними домиками, а боковая сторона къ рѣчкѣ такъ красиво раздѣлана руками природы подъ мраморъ разныхъ колеровъ, какъ бы работалъ надъ узорами его, по заказу, самый лучшій художникъ. Дѣйствительно это мѣсто Опоки имѣетъ грандіозный видъ, исключительный изъ видѣнныхъ нами по пути, а вмѣстѣ внушительный, невольно возносящій мысли и сердца къ Верховному Архитектону всѣхъ видимыхъ красотъ природы, Богу.

Чрезъ нѣсколько часовъ намъ представилась издали очаровательная и величественная панорама города Великаго Устюга, разостлавшагося далеко, далеко по крутому берегу рѣки Сухоны со множествомъ бѣлокаменныхъ церквей. Намъ очень желалось посмотрѣть городъ и помолиться у мощей блаженнаго Прокопія, Христа ради юродиваго, Устюжскаго чудотворца, память котораго 8 іюля такъ свято и глубоко почитается во многихъ мѣстахъ нашей Малороссіи. Пользуясь нѣсколькими часами стоянки нашего парохода, мы вполнѣ исполнили во благихъ желаніе сердца нашего. Городъ самъ по себѣ, какъ уѣздный, — недуренъ, хотя не можетъ похвалиться такимъ благоустройствомъ, какъ Тотьма,—и масса каменныхъ полуразвалившихся лавокъ и сотня-другая осунувшихся солидныхъ домовъ и построекъ, грустно напоминаетъ заѣзжему путнику о минувшемъ богатствѣ и благосостояніи насельниковъ его. За то онъ радуетъ душу истаго богомольца множествомъ хорошо сохра-

нившихся и благолѣпно устроенныхъ старинныхъ храмовъ Божіихъ, число которыхъ восходитъ до 30-ти (на 800 жителей), указывающее на благочестіе древнихъ Устюжанъ. Не понимаемъ только, въ какихъ видахъ большая половина изъ нихъ сгруппирована на одной площади въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой; въ одну изъ указанныхъ намъ, гдѣ почиваютъ мощи Угодника св. Прокопія, мы и направили грѣшныя свои стопы; къ намъ присоединилось еще нѣсколько петербургскихъ сопутницъ. Отдохнувъ отъ утомленія, мы съ любопытствомъ стали осматривать маленькую церковь, посвященную его имени, и по лѣвую сторону иконостаса увидали гробницу, въ которой покоятся нетлѣнныя останки блаженнаго. Помолившись предъ ракой и облобызавъ его ликъ, мы вышли въ церковную ограду, гдѣ намъ показали лежащій на особой тумбѣ дикій камень вѣсомъ до 5 пудовъ—одинъ изъ массы тѣхъ камней, кои, въ праведномъ гнѣвѣ Господа, должны были по мановенію Его поразить и погубить грѣшный Устюгъ, какъ во время оно Содомъ и Гоморру, но по молитвамъ и ходатайству блаженнаго Прокопія разразились въ пустынѣ. Въ церковныхъ актахъ объ этомъ событіи повѣствуется такъ: названный угодникъ за свою высокую подвижническую жизнь сподобился чудныхъ откровеній отъ Бога. Однажды онъ предузналъ, что великое бѣдствіе угрожаетъ городу Устюгу. Жалѣя о бѣдныхъ жителяхъ его, онъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, началъ во храмѣ увѣщевать ихъ къ покаянію. «Покайтесь, вопіялъ онъ; постарайтесь умилостивить Бога постомъ и молитвою; если не покаетесь, то всѣ погибнете, ибо гнѣвъ Божій приближается». Удивились всѣ бывшіе тутъ, но никто не обратилъ вниманія на слова Прокопія. «Это юродивый, говорили они, онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.» Потомъ, въ другое время, ставши на паперти храма, продолжалъ умолять всѣхъ входящихъ и выходящихъ изъ него покаяться во грѣхахъ. Такъ онъ стоялъ день и ночь, молясь и рыдая, но никто не внималъ ему. Наконецъ на третій день, оставивъ паперть церковную, онъ пошелъ

проповѣдывать покаяніе по улицамъ. «Покайтесь, покайтесь, восклицалъ онъ со слезами, плачьте и рыдайте о грѣхахъ вашихъ, и молите Господа, чтобы Онъ отвратилъ праведный гнѣвъ свой и не погубилъ бы города вашего.» Но и тутъ никто не обратилъ вниманія на слова юродиваго и многіе бранили его и смѣялись надъ нимъ. Въ слѣдующее воскресенье, около полудня, страшная черная туча показалась надъ городомъ, и началась ужаснѣйшая гроза. Сдѣлалось вдругъ темно, какъ среди ночи, и громкіе раскаты грома оглушали испуганныхъ жителей. Тогда только народъ вспомнилъ и понялъ пророчество Прокопія и въ ужасѣ устремился къ св. церкви, въ особенности въ соборный храмъ Пресвятой Богородицы, и молился со слезами. Пришелъ сюда и Прокопій и, упавши на колѣни предъ иконою Богоматери, сталъ умолять Пречистую исходатайствовать прощеніе городу; онъ предлагалъ себя въ жертву за ближнихъ и молилъ Господа, чтобы на него обрушился гнѣвъ Божій и миновалъ бы жителей Устюга.

Весь народъ молился съ воплемъ и рыданіемъ, и вдругъ сдѣлалось чудо: съ иконы Богоматери потекло мѵро, и въ то же время гроза утихла, сдѣлалась тишина, мрачное облако стало удаляться и верстъ за двадцать отъ города, въ пустынѣ, называемой Котольскою, разразилось страшнымъ каменнымъ градомъ, отъ котораго поломанъ былъ громадный лѣсъ, въ городѣ же и окрестностяхъ никто не погибъ, и больные получали исцѣленіе отъ мѵра, текшаго отъ иконы Богоматери. Общая радость замѣнила ужасъ и смятеніе. Всѣ прославили Господа и Пречистую Богородицу и благодарили Прокопія. Помянутый камень-градъ принесенъ въ Устюгъ изъ сказанной пустыни и положенъ въ виду у всѣхъ близъ церкви, въ которой почиваютъ мощи св. Прокопія, и принесенъ не для удовлетворенія одного празднаго любопытства народной толпы, а съ тою нравственно-поучительною цѣлью, чтобы и мы подобно Устюжанамъ боялись прогнѣвлять величіе Божіе своими грѣхами и нераскаянностію, внимали бы наставленіямъ добрыхъ людей, а въ

особенности пастырей и учителей Церкви, и не оскорбляли бы ихъ недовѣріемъ къ ихъ слову и разными недостойными выходками противъ нихъ, какъ это нерѣдко бываетъ и въ наше время. Вмѣстѣ съ симъ, и мы, видя надъ главами своими бѣду, ни мало не медля, притекали бы во храмы Божіи и тамъ съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами умоляли Господа и Пречистую Его Матерь о помилованіи, что по силѣ вѣры, молитвы и раскаянія дастся и намъ, какъ въ былое время—Устюжанамъ.

Въ заключеніе мы долгомъ сочли зайти въ находящійся тутъ же соборный храмъ, чтобы помолиться и приложиться къ Великоустюжской святынѣ, чудотворной иконѣ Богоматери, которая принесена была въ даръ Устюжанамъ въ 1290 году Ростовскими Князьями Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, предъ которою молился св. Прокопій, и изъ которой чудесно излилось мyро, какъ выше нами сказано. Такъ какъ въ это время совершалась заутреня, то мы, не имѣвъ возможности приложится къ славному образу Приснодѣвы, приклонили колѣна предъ нимъ и изъ глубины сердечной изрекли: Владычице и Мати Избавителя, пріими моленіе недостойныхъ рабъ твоихъ, да ходатайствуеши къ рождшемуся отъ Тебе: о Владычице міра, буди ходатаица! Когда мы вышли изъ храма, то услышали, что Вычегда сильнымъ пронзительнымъ и назойливымъ свистомъ звала насъ къ себѣ. Проходя къ ней мимо харчевень, мы не преминули запастись пищевыми продуктами, такъ какъ намъ оставалось быть въ пути болѣе двухъ сутокъ.

Выѣхавъ изъ Устюга, мы видѣли сліяніе рѣкъ Сухоны, Юга и Двины, которыя, соединясь вмѣстѣ, образуютъ одну величественную рѣку—Сѣверную Двину. Бурная погода, начавшаяся 24 мая, продолжалась и въ остальные дни нашего плаванія по рѣкамъ. Дулъ необыкновенно холодный вѣтеръ, по временамъ налеталъ шквалами не менѣе холодный дождь, и всѣ пассажиры вынуждены были прятаться въ свои норы. Самоваръ почти не сходилъ со столовъ, согрѣвая пассажировъ живительной влагой, и въ то же

время умѣрялъ суровость окружающей атмосферы, Въ промежуткахъ, одни пассажиры коротали времи религіозно-нравственнымъ чтеніемъ, всегда собиравшимъ вокругъ грамотѣя порядочную аудиторію, другіе, свернувшись на импровизованной изъ дорожнаго багажа постели, спали а иные—самолично пробавлялись газетами и журналами, нарочито припасенными для дороги,—и только архангельскія мѣщанки, пріѣзжавшія въ Вологду для выгодной закупки кружевнаго товара, безъ умолку трещали о своихъ дѣлишкахъ, занявъ лучшія мѣста. Тутъ живо переходили изъ рукъ вь руки чайники, чашки съ чаемъ, пироги и всякая снѣдь. Общая картина особенно палубныхъ пассажировъ была довольно эффектна.

Проѣхавъ до сотни верстъ, мы вступили въ предѣлы Архангельскаго края. И здѣсь тѣ же непроходимые лѣса, прекрасные прибрежные пейзажи, обрамленные во многихъ мѣстахъ вычурными алебастровыми и известковыми крутыми возвышенностями, принимаемыми издали за высокія каменныя огражденія лѣсовъ, устроенныя какъ бы нарочито по приказу начальства для охраненія ихъ отъ расхищенія; между тѣмъ какъ онѣ ничто иное, какъ дивный распорядокъ самой природы. Замѣчено нами, между прочимъ, что въ Архангельскомъ краѣ во всѣхъ виднѣвшихся съ парохода деревняхъ, церкви деревянныя, малаго размѣра и бѣдныя, и во всѣхъ поселкахъ устроены часовни; почвы плодородной мало, да и та скудно даетъ хлѣбъ, и только ячмень и овесъ, которые въ иной годъ и не дозрѣваютъ; луговыя же площади даютъ обильный кормъ для скота, много болотъ и тундръ, вслѣдствіе чего населеніе рѣдко, тогда какъ Архангельская губ. занимаетъ площадь до 32 мил. десятинъ, и во всей епархіи, какъ намъ передавали, не болѣе 300 приходовъ, и то въ большинствѣ такъ бѣдныхъ, что остаются по нѣсколько годовъ безъ своего священника, да и въ семинарію по этому самому неохотно поступаютъ дѣти духовенства, и въ настоящемъ году, какъ

намъ передавали, окончило курсъ только пять душъ, да и тѣ не изъявили желанія занять праздныя причтовыя мѣста.

Настало третье утро послѣ выѣда изъ Устюга, послѣднее предъ Архангельскомъ. Свѣтлый день и не совсѣмъ холодно. Опять направо и налѣво раскидывается царство могучихъ лѣсныхъ великановъ. Южанинъ, привыкшій созерцать по пути у себя только одни голыя и безводныя степи на цѣлые сотни верстъ, приходитъ въ восторгъ и удивленіе отъ такого нежданнаго сюприза природы на дальнемъ сѣверѣ, такъ художественно задѣлавшей въ роскошныя растительныя рамки водную стихію въ Вологодскомъ и Архангельскомъ краяхъ. Тамъ и сямъ сквозятъ озера. Одни изъ нихъ совсѣмъ ушли въ тѣнь деревьевъ, а другіе такъ и рѣжутъ глаза ослѣпляющимъ глаза свѣтомъ; но наши взоры всецѣло обращены по направленію къ желанному Архангельску. Вотъ, на горкѣ небольшой поселокъ съ старинным храмомъ, въ которомъ находится издавна прославленный, древній образъ Успенія Богоматери. Сюда Архангелогородцы, какъ у насъ Харьковцы въ Куряжъ, бѣгаютъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отъ суеты и хлопотъ мірскихъ, чтобы здѣсь въ уединеніи обновиться душой въ теплой молитвѣ предъ мѣстными святыми и, напитавшись духовнымъ хлѣбомъ, отдохнуть нѣсколько и тѣломъ. Вотъ наконецъ завиднѣлся и желанный Архангельскъ съ храмами Божіими, портомъ и безчисленными суднами, парусными кораблями и пароходами; мы у пристани, и въ 11 часовъ утра, оставивъ до нельзя надоѣвшую «Вычегду», съ крестнымъ знаменіемъ веселыми ногами вступили на прибрежныя твердыни города.

Свящ. А. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ПУТИ ВЪ РУССКІЙ АѲОНЪ—СОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ.*)

Первымъ долгомъ по пріѣздѣ въ Архангельскъ было распросить въ пароходной конторѣ: ходятъ ли на Соловецкій островъ корабли? И не начинали рейсовъ, и не извѣстно, когда откроется навигація, такъ какъ плаваетъ еще масса сплошныхъ толстыхъ льдинъ въ Бѣломъ морѣ, нагнанныхъ сѣверными вѣтрами изъ Океана,—былъ намъ отвѣтъ. Волей-неволей намъ пришлось сидѣть, какъ говорится, у моря и ждать погоды, и добавимъ топтаться по городскимъ тротуарамъ. Сидя у себя дома въ Малороссіи и воспоминая иногда объ Архангелогородцахъ, мы въ воображеніи своемъ представляли этотъ край холодовъ, льдовъ, бѣлыхъ медвѣдей и сѣвернаго сіянія—дикимъ, ни мало не культурнымъ, мертвящимъ, а самихъ обитателей его неуклюжими и даже звѣронравными.. Сознаемся и каемся въ своемъ заблужденіи, ибо имѣли полную возможность убѣдиться въ противномъ, живя здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Какъ извѣстно исторически, что на мѣстность, гдѣ стоялъ и стоитъ теперь Архангельскъ, первый изъ монарховъ, обратившихъ на него особенное вниманіе, былъ Петръ I. Какъ царственный страстный морякъ онъ занялся реорганизаціей его, какъ портоваго города для развитія и усиленія морской русской торговли и сношеній съ иностранными государствами, для каковой цѣли первѣе всего, кромѣ торговыхъ кораблей, устроилъ таможенные корпуса и адмиралтейство. Съ этой поры онъ собственно и началъ

*) Продолж. См. майскую-іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1894 г.

улучшаться во всѣхъ отношеніяхъ, и несмотря на свою сравнительную молодость съ другими отечественными городами (трехсотлѣтіе отъ основанія его праздновалось въ 1884 г.), свое незавидное географическое положеніе, отдаленность отъ центра Россіи, неудобства въ путяхъ сообщенія и суровость климата, онъ довольно благоустроенъ и можетъ даже соперничать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ со многими губернскими городами. Самая мѣстность, вродѣ узкой полосы, тѣснимая съ одной стороны Двиной, а съ другой обширными тундрами, не позволяетъ ему раздвинуться вширь, но за то три стройныя улицы, протянувшіяся лентой почти на пять верстъ, прекрасно вымощены, безупречно чисты, вездѣ исправные тротуары съ канавами подъ ними для стока лишней воды и вообще для осушенія сырой городской площади. Много говоритъ о благоустроенности города красиво и прочно отдѣланная дикимъ камнемъ набережная р. Двины, почти во всю длину городской черты огражденная недурной рѣшеткой, съ пріуроченнымъ къ ней для удобства публики набивнымъ тротуаромъ, а въ необходимыхъ мѣстахъ снабженная и красивыми мостиками. Мало этого: почти по всему протяженію городской набережной идетъ скверъ, правда не широкій, но усаженный въ два-три ряда роскошными березами, рябиной, осиной и сплошными густыми рядами шиповника, растущаго здѣсь весьма охотно и роскошно, съ широкими аллеями, содержимыми исправно, и съ диванами и лавочками для гуляющихъ и проходящихъ. Кромѣ этого: городской скверъ на Соборной площади, обширный общественный садъ, не уступающій и столичнымъ; великолѣпныя большія зданія: городской управы, полицейскаго управленія съ высокими и красивыми башнями на нихъ и боевыми часами, губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, Техническаго училища, адмиралтейства, таможни, Морскаго клуба, торговыхъ бань и пр. и цѣлыя сотни частныхъ массивныхъ каменныхъ зданій. Но намъ въ особенности понравились деревянные дома въ два, и даже въ три этажа, стройные,

украшенные рѣзьбой и разными ажурными виньетками и со вкусомъ раздѣланные маслянными красками, которымъ придаютъ еще большій эффектъ оттѣняющіе ихъ наружный видъ садики, а внутри—выглядывающія въ широкія и высокія окна цѣлыя группы всевозможныхъ горшечныхъ цвѣтовъ и растеній, которые въ Архангельскѣ, при сырости воздуха, растутъ гораздо лучше, чѣмъ въ нашей Украйнѣ.

О культурномъ развитіи вообще Архангелогородцевъ и о способности ихъ идти даже впередъ другихъ своихъ соотечественниковъ на этомъ пути, несмотря на суровость климата, невыгодныя географическія условія, сравнительную бѣдность, отдаленность отъ центровъ просвѣщенія и отсутствіе передоваго интеллигентнаго сословія (здѣсь, да и во всей губерніи, кореннаго мѣстнаго дворянства не было и нѣтъ, почему не существуетъ и предводителей онаго), говорятъ: прекрасная публичная городская библіотека, музей, Техническое Училище, помѣщающееся въ 200 тысячномъ зданіи съ паровымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ, паркетными полами и всѣми новѣйшими приспособленіями къ образцовой постановкѣ учебнаго, воспитательнаго и хозяйственнаго отдѣловъ; Община сестеръ милосердія, имѣющая свой прекрасный домъ, городской ломбардъ, открытый гораздо раньше, чѣмъ въ болѣе значительныхъ и богатыхъ городахъ внутри Россіи, громадныя бани, устроенныя въ новѣйшемъ вкусѣ и весьма практически приспособленныя къ выгодамъ и удобству публики и освѣщающіяся тоже электричествомъ. А о разныхъ, мѣстныхъ произведеніяхъ изъ оленьихъ кожъ, медвѣжьихъ и тюленевыхъ шкуръ, издѣлій изъ цинка, мѣди, желѣза, жести, дерева, льна, конопли и пр., выполняемыхъ безукоризненно, мы не распространяемся, но всѣ они не ясно ли говорятъ, что архангельцы не только идутъ въ культурномъ отношеніи наряду съ обитателями внутреннихъ губерній, но даже во многомъ и упредили ихъ. А посмотрите на идущихъ по улицамъ и гуляющихъ въ скверахъ мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ,—всѣ они, какъ перемытые,

съ правильными чертами лица, большинство изъ нихъ изъ чиновничьяго міра, купеческаго и мѣщанскаго сословій—всѣ одѣты по послѣдней модѣ, выполняемой не рѣдко личнымъ трудомъ, да и простой народъ очень нарядно и чисто одѣвается въ особенности женщины: онѣ въ своемъ мѣстномъ типичномъ костюмѣ и головномъ недурномъ уборѣ заслуживаютъ вниманія публициста и портретиста.

Наконецъ въ добавокъ къ сказанному о духовныхъ способностяхъ архангелогородцевъ достаточно указать на Ломоносова и на о. Іоанна Кронштадскаго—этихъ жизненныхъ свѣточей не только Архангельскаго края, но и всей Россіи.

Да проститъ намъ читатель, что мы нѣсколько увлеклись нашей рѣчью въ сторону, но намъ трудно было удержаться отъ желанія покороче познакомить съ архангелогородцами и тѣхъ, кои подобно намъ имѣютъ ложное представленіе объ ихъ культурныхъ способностяхъ и о самой культурѣ края.

Въ первый, по пріѣздѣ нашемъ въ Архангельскъ, воскресный день, мы отправились въ здѣшній Святотроицкій Соборъ, устроенный по словамъ настоятеля онаго въ 1743 году по образцу Московскаго Успенскаго, а освященный въ 1765 г. Насъ пріятно поразила и восхитила внутренняя иконописная раздѣлка стѣнъ и сводовъ его въ византійскомъ стилѣ, точно такъ, какъ въ видѣнныхъ нами на Аѳонѣ греческихъ монастыряхъ и лаврахъ. Здѣсь вы читаете всю библейскую В. и Новозавѣтную исторію въ лицахъ и свящ. изображеніяхъ; сонмы святителей, учителей, преподобныхъ и праведныхъ древнихъ и новыхъ временъ представляютъ поучительное и внушительное святое зрѣлище для благочестивыхъ посѣтителей и любителей благолѣпія Дома Божія. Несмотря на то, что эта иконопись совершена за 85 лѣтъ назадъ, она не облиняла и такъ свѣжа и отчетлива, какъ бы недавно была произведена. Обликъ же самаго иконостаса, нигдѣ доселѣ нами невиданный, наше заржавленное перо не въ состояніи точно изобразить; скажемъ только, что онъ вельми красенъ; средина его вогнута во внутрь громаднаго алтаря до самаго верха и

уставлена по карнизамъ фигурами ангеловъ; надъ Царскими Вратами (а они шириной въ двѣ сажени) сдѣланъ балдахинъ, задрапированный въ верхней своей части бархатной малиновой пеленою съ изящной эрматурою. Императоръ Александръ II, посѣтившій между прочимъ и этотъ соборъ, по словамъ настоятеля, замѣтилъ, что онъ во всей Россіи не видѣлъ такихъ широкихъ Царскихъ Вратъ и съ такой обстановкой. Всѣ яруса этого громаднаго высокаго и широкаго пятияруснаго иконостаса поддерживаются четыредесятью колоннами въ греко-римскомъ стилѣ и около сотни иконъ украшаютъ его, и наглядно излагаютъ исторію домостроительства промысла Божія о спасеніи человѣка.

Есть во храмѣ и историческіе предметы, достойные вниманія и замѣчанія: простой деревянный и некрашенный дудубовый крестъ въ 3½ аршина вышины собственноручно вытесанный Государемъ Петромъ 1-мъ и утвержденный на особомъ постаментѣ подъ рѣзнымъ балдахиномъ, предъ которымъ по сторонамъ стоятъ двѣ фигуры ангеловъ съ мѣдными круглыми досками въ рукахъ, на которыхъ значится слѣдующее: на лѣвой: «Петръ 1-й, самодержецъ Всероссій, скій, шествуя по Бѣлому морю въ 1694 году въ Соловецкій монастырь и воспященъ бывъ морскимъ волненіемъ, улучилъ благополучный входъ въ губу, Унскими Рогами именуемую. Сей св. Крестъ при Пертоминскомъ монастырѣ вышедъ на берегъ Іюня 2 дня и воспѣвъ во храмѣ благодарственная Господу Богу, Царю царей, помазанниковъ своихъ спасающему, своими соорудивъ руками и на монаршескія возложивъ рамена несъ оный изъ монастыря до того самаго мѣста, на которомъ послѣ бури вступилъ на брегъ со всею знаменитою свитою, гдѣ и поставленъ оный во славу Христа Спасителя, въ память грядущимъ родамъ, положивъ на подножіи Креста сего подпись собственною рукою вырѣзанною: «Сей крестъ поставилъ Капитанъ Петръ въ лѣто отъ Христа 1694-е». На правой (доскѣ): «Александръ 1-й, самодержецъ Всероссійскій, прославляя великія дѣла Петра Великаго, сей св. Крестъ, 111-ть лѣтъ на бре-

гѣ при Пертоминскомъ монастырѣ стоявшій, всемилостивѣйше снисходя прошенію архангельскаго общества, благоволилъ повелѣть перенести во градъ Архангельскъ, который (Крестъ) со священнымъ благоговѣніемъ поднятый и провождаемый съ торжественною почестью съ Кѣго-острова усрѣтенный, въ семъ храмѣ св. Троицы поставленъ 1805 г. іюня 29 дня, во украшеніе и славу града, и самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ 1-мъ высочайшимъ посѣщеніемъ града Архангельска и осматриваніемъ сего собора достолѣпнымъ поклоненіемъ почтенъ 1819 г. іюля 30 дня.» На этой же сторонѣ прикрѣплены къ стѣнѣ три шеста съ флагами съ такою, вырѣзанною на дощечкѣ, замѣткою: «Петръ 1-й во время высочайшаго своего пребыванія въ Архангельскѣ въ 1694 г. Всемилостивѣйше пожаловать изволилъ преосвященному Аѳанасію, Архіепископу Архангельскому и Важескому шлюпку, штандартъ, два флага, карету и три пушки, отнятыя у шведовъ, внезапно приходившихъ къ городу Архангельску для грабленія». Къ сей замѣткѣ сдѣлаемъ добавленіе: эти штандартъ и два флага старые-престарые, три чугунныя пушки, длиной около аршина и съ отверстіями въ небольшое яблоко стоятъ предъ входомъ во храмъ, на площадкѣ, устроенной между двумя каменными парадными лѣстницами; шлюпки нѣтъ, карета же, по преданію, продана за безцѣнокъ въ ломъ каретному мастеру, благодаря нашему прославленному равнодушію къ историческимъ предметамъ.

Кромѣ сего, въ соборной ризницѣ хранится бархатный саккосъ, пожалованный Петромъ Великимъ архіепископу Аѳанасію въ 1702 году, который имѣлъ на себѣ впослѣдствіи времени преемникъ его по епископской каѳедрѣ архіепископъ Евлампій въ вышеупомянутой процессіи, при перенесеніи историческаго Креста въ Архангельскъ.

Невдали отъ собора по набережной рѣки С. Двины стоитъ историческій деревянный домъ Петра I, въ которомъ онъ имѣлъ пребываніе во время строенія судовъ и зданій, необходимыхъ для портоваго города. Домъ этотъ выстроенъ

изъ сосновыхъ бревенъ, о пяти покояхъ, 17 окнахъ и 5 дверяхъ простой плотничной работы, протяженіемъ до 20 аршинъ, крытъ тесомъ; въ небольшомъ корридорѣ виднѣется варистая печь первобытнаго устройства, какого теперь нигдѣ не увидишь, противъ нея окно для подачи горячей пищи прямо въ столовую, какъ это любилъ Петръ Великій. Домъ для сохраненія его отъ стихійныхъ невзгодъ накрытъ кругомъ деревяннымъ футляромъ, вокругъ него разбитъ прекрасный скверъ, устроены изящная бесѣдка и колодецъ подъ вычурнымъ кіоскомъ.

Кромѣ собора, мы посѣтили еще до 8 городскихъ церквей (а всѣхъ съ домовыми до 20) въ томъ числѣ семинарскую и училищную. И всѣ онѣ блещутъ свѣжею позолотою и отличаются чистотою, какъ и въ Вологдѣ, и оставляютъ въ васъ пріятное воспоминаніе.

На третій день нашего пріѣзда въ Архангельскъ происходило послѣднее прощаніе съ паствою и пастырями епископа арх. Александра. Въ рѣчахъ, сказанныхъ ему, онъ названъ достойнѣйшимъ архипастыремъ въ теченіе трехлѣтняго управленія, ни при оффиціальныхъ отправленіяхъ своей должности, ни въ частныхъ отношеніяхъ къ духовенству не превозносившимся предъ нимъ горделивымъ духомъ и особенно отличавшимся простотою; любезностію, даже предупредительностію, являвшимся между ними именно родимымъ благопопечительнымъ отцемъ о нуждахъ его и за то пользовавшимся, какъ рѣдкій начальникъ, безграничнымъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовію своихъ подчиненныхъ, какъ и своей паствы. Кстати замѣтить, что онъ уроженецъ Лифляндіи, сынъ крестьянина, (что рѣдкость) принятъ въ духовное званіе по Высочайшему повелѣнію, былъ сельскимъ священникомъ и, овдовѣвъ, обучался въ Кіевской Академіи, потомъ, принявъ монашество, достигъ высшей степени священства. Какъ неусыпный труженникъ и опытный администраторъ, онъ быстро привелъ въ порядокъ запущенныя прежде его дѣла по управленію епархіею, не щадя силъ и живота, что едва не уложило его въ могилу.

У такого то архипастыря-отца пришлось и намъ быть на прощальномъ благословеніи. Узнавъ, кто мы и откуда, онъ, облобызавъ троекратно, усадилъ насъ и бесѣдовалъ до получаса и между прочимъ съ удовольствіемъ указывалъ на операціи по свѣчному епарх. заводу и эмеритальную кассу духовенства, въ которой несмотря на малочисленность церквей и духовенства и бѣдность приходовъ составилась солидная сумма въ 120 тысячъ рублей, замѣтивъ при этомъ что эти учрежденія, какъ показалъ опытъ, требуютъ непосредственнаго контроля и заботъ епархіальнаго архіерея, и полагаться слѣпо и всецѣло на другихъ никакъ не слѣдуетъ, во избѣжаніе тормоза и всегда возможныхъ злоупотребленій по сложнымъ операціямъ оныхъ; затѣмъ показалъ намъ оставляемую имъ квартиру, изящно обставленную, просилъ посѣтить его на обратномъ пути, въ Москвѣ и побывать въ Корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ, управляемомъ архангельскими Владыками, куда мы чрезъ два дня, пользуясь случаемъ, и отправились съ намѣстникомъ онаго, двумя членами и секретаремъ консисторіи, уполномоченными провѣрить монастырское имущество.

Четвертаго и пятаго іюня въ Архангельскѣ былъ сильный холодъ, вѣтеръ и снѣгъ, выпавшій на вершокъ, термометръ показывалъ *о* тепла, и намъ пришлось при такой крайне неблагопріятной погодѣ и южномъ легкомъ костюмѣ, на маленькомъ пароходикѣ подозрительнаго качества и съ неопытными, какъ впослѣдствіи оказалось, кормчими, (ибо попали на мель, на которой простояли три часа, въ ожиданіи прилива морской воды) направить путь свой въ помянутый раньше Корельскій Николаевскій монастырь, который, какъ видно изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, является на одномъ изъ Двинскихъ устьевъ первою общиною вначалѣ XV вѣка, въ 35 верстахъ отъ Архангельска и въ 3 верстахъ отъ Бѣлаго моря; основанъ въ 1410 году преподобнымъ Евфиміемъ, просвѣтителемъ Кореловъ, ранѣе другихъ финскихъ племенъ воспріявшихъ христіанство. Этотъ монастырь названъ Корельскимъ потому, что сюда

на устье Двины разновременно выѣзжали и поселялись изъ Заонежья Корелы, для удобства морскихъ промысловъ, почему и самый берегъ названъ тоже Корельскимъ. Названный монастырь обильно надѣленъ угодьями, лѣсами и землями извѣстной въ то время богачкой Маѳой Посадницей, имѣвшей въ Архангельскомъ краѣ несмѣтное количество недвижимаго имущества, и надѣленъ по слѣдующему случаю:

Когда на Соловецкомъ островѣ, въ томъ же вѣкѣ, подъ настоятельствомъ препод. Зосимы начала устрояться монашеская община, то многіе изъ слугъ названной боярыни стали здѣсь ловить рыбу, запрещая въ то же время ловить братіи для монастыря и утверждая, что Соловецкій островъ принадлежитъ господамъ ихъ, что монахи не имѣютъ права жить на немъ, и что они — изгонятъ ихъ оттуда. Тогда Зосима отправился въ Новгородъ просить помощи отъ обидчиковъ. Однажды, между прочимъ, онъ пришелъ и къ боярынѣ Маѳѣ, такъ какъ слуги ея, болѣе чѣмъ кто-либо причиняли оскорбленія инокамъ Соловецкой обители, почему болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, надлежало обратиться Зосимѣ съ просьбами за свою обитель. Но эта гордая боярыня, возмущенная своими слугами, сочла за оскорбленіе себѣ жалобы иноковъ и приказала выгнать препод. Зосиму. Преподобный спокойно перенесъ оскорбленіе и сказалъ со вздохомъ ученикамъ своимъ: настанутъ скоро дни, когда обитатели дома сего не станутъ ходить въ немъ; затворятся навсегда двери его и дворъ зарастетъ травою. Между тѣмъ другіе бояре единогласно рѣшились оказать помощь и защиту препод. Зосимѣ и его обители и подарили весь островъ Соловецкому монастырю и одарили св. Зосиму многими нужными для обители вещами. Узнавъ обо всемъ этомъ, а также и о благочестивой жизни Зосимы, боярыня поняла, что онъ есть истинный рабъ Божій и сожалѣла что оскорбила его. Чтобы искупить вину предъ преподобнымъ, Маѳа пригласила его на обѣдъ. Преподобный, не помня нанесенной ему обиды, явился въ домъ боярыни, которая вмѣстѣ съ дѣтьми встрѣтила Зосиму съ великою

честію, приняла у него благословеніе, испросила потомъ прощеніе за сдѣланное оскорбленіе и по трапезѣ отпустила съ великою честію, подаривъ ему деревню при рѣкѣ Сумѣ. Но предсказаніе св. Зосимы въ скоромъ времени всетаки исполнилось. Великій князь Иванъ Васильевичъ, придя въ возмутившійся противъ него Новгородъ, казнилъ многихъ бояръ, Марѳу сослалъ въ Нижній Новгородъ, имущество ея было разграблено, два сына утонуло, а домъ, согласно пророчеству Зосимы, остался пустъ и заросъ травою. Вотъ тѣла-то этихъ двухъ утонувшихъ сыновей Антонія и Феликса, какъ значится въ надмогильной плитѣ, въ сооруженной надъ прахомъ ихъ каменной часовнѣ въ оградѣ сказаннаго Корельскаго монастыря, и были выкинуты въ 1471 году морскими и рѣчными волнами, по особенному устроенію Промысла и ходатайству святителя Николая, имени котораго посвящена обитель, на мѣсто, гдѣ и теперь они покоятся. Узнавъ объ этомъ мать ихъ боярыня Марѳа сдѣлала богатый денежный вкладъ на монастырь, на который и сооружена грандіозная церковь съ престолами во имя свят. Николая въ нижнемъ этажѣ и въ честь Успенія Богоматери—въ верхнемъ, и надѣлила оный въ молитвенную память о ней и о чадахъ ея разными угодьями, лѣсами, лугами и рыбными ловлями, при слѣдующей грамотѣ, копія съ которой хранится въ томъ монастырѣ и списана нами буквально. «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Се азъ раба Божія Марѳа, списа сіе рукописаніе, при своемъ животѣ, поставила есьмы церковь, храмъ св. Николы, въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ Антона да Филикса, а дала есьмы въ домъ св. Николы куплю мужа своего Филиппа, на Лаврѣ островѣ село, да въ конечныхъ два села, и въ Малокурѣ пожня и рыбная ловища, а по церковной сторонѣ и до Курьмы, и вверхъ по Кудьму и до озера, а въ Неньксы вмѣсто засѣки полянка, а приказываю домъ Николы господину своему дѣверю Ѳеодору Григорьевичу и его дѣтямъ, и Леонтѣю Аввакумовичу и зятю своему Аѳомѣю Васильевичу, а на то Богъ

послугъ и отецъ мой духовной, игуменъ Василій Святаго Спаса, и кто сіе писаніе преступитъ, или порудитъ, а наши памяти залягутъ, суждуся съ нимъ предъ Богомъ въ день страшнаго суда».

Память утопшихъ Антонія и Феликса, неизвѣстно кѣмъ и въ какое время причисленныхъ къ лику праведныхъ, въ календаряхъ—Гатцука и Всеобщемъ, значится подъ 18 числомъ мѣсяца апрѣля, но мѣстно они не чтутся, какъ святые угодники.

Въ семъ же монастырѣ благолѣпно красуется чудотворная икона св. Николая, въ храмѣ, посвященномъ его имени, которая привлекаетъ въ него многихъ богомольцевъ, ѣдущихъ въ Соловки. Чудеса, бывшія отъ нея, записаны на особой доскѣ тутъ же находящейся. По маломъ времени, мы сочли долгомъ христіанина помолиться предъ симъ образомъ и попросили іеромонаха отслужить молебенъ, который и отпѣли сообща всѣмъ прилучившимся освященнымъ соборомъ. Подъ этою же церковью намъ показывали темную конуру величиной въ три квадратныхъ аршина, въ коей заключенъ былъ злосчастный митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, о которомъ считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ для большинства незнакомыхъ съ личностію этого замѣчательнаго и энергичнаго іерарха.

Мацѣевичъ родился въ 1697 году во Владимірѣ-Волынскомъ, обучался въ Кіевской академіи. Въ санѣ іеромонаха участвовалъ въ экспедиціи для открытія морскаго пути въ Камчатку. Въ 1741 году посвященъ въ санъ Сибирскаго митрополита. Въ 1742 г. перемѣщенъ въ Ростовъ, съ назначеніемъ членомъ Свят. Сунода. По его донесенію разрѣшено открыть мощи св. Димитрія Ростовскаго, и имъ же составлена служба сему святителю и житіе его. Когда въ 1762 году, при Екатеринѣ II й состоялся докладъ особой коммиссіи о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и отобраніи ихъ казну, который потомъ въ 1764 г. и былъ утвержденъ императрицей, высшее духовенство хотя и не доволно было этимъ дѣломъ, но благоразумно молчало; от-

крытый протестъ исшелъ только отъ лица Арсенія Мацѣевича. Арсеній въ 1763 году посылалъ въ Сунодъ одно за другимъ доношенія, въ которыхъ горячо опровергалъ всѣ пункты инструкціи данной коммиссіи, доказывалъ, что вмѣшиваться въ вотчинное управленіе духовенства никто не имѣетъ права, что церковныя имѣнія должны быть неприкосновенны, что ихъ не трогали даже татарскіе ханы, и предсказывалъ, что если таковые порядки продолжатся, то скоро все монашество уничтожится, а съ нимъ и архіерейство, а государство обратится въ безпоповское или протестантское. Императрица крайне раздражена была симъ протестомъ и предала Арсенія на судъ Сунода. Сунодъ осудилъ его на лишеніе сана и монашества и на отдачу его, какъ оскорбителя величества, свѣтскому суду, по которому онъ долженъ подвергнуться смертной казни. Екатерина ограничила это наказаніе ссылкой въ отдаленный Корельскій монастырь, съ лишеніемъ сана, но съ оставленіемъ монашества. Въ 1767 году было донесено, что караульные, состоявшіе при Арсеніѣ, совершенно подчинились его вліянію, всѣ чтутъ его, какъ архіерея и святаго страдальца за правду, и что онъ самъ считаетъ свое осужденіе незаконнымъ. Послѣ сего началось слѣдствіе, кончившееся тѣмъ, что Арсеній лишенъ былъ и монашескаго чина и подъ именемъ «Андрея враля» посланъ въ 1767 г. въ самое строгое заключеніе въ Ревельскую крѣпость, командиру которой Екатерина писала, чтобы онъ держалъ его покрѣпче: «ибо народъ изстари почитаетъ его святымъ, а онъ болѣе ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ». Кончина Арсенія послѣдовала въ 1772 году со словами на устахъ, начертанными углемъ и на стѣнахъ его 10-ти футовой тюремной конуры: «Благо, яко смирилъ мя еси!»

Къ камерѣ, въ которой заключенъ былъ въ Корельскомъ Никольскомъ монастырѣ Арсеній, недавно присоединена другая комната, въ которой устроена церковь въ честь его ангела. Все въ ней, начиная отъ траурнаго миніатюрнаго, но преизящнаго иконостаса и замѣчательной живописи, такъ лѣпооб-

разно, такъ обаятельно въ полумракѣ дѣйствуетъ на душу, что невольно рождается желаніе побыть здѣсь подольше и послужить хотя нѣсколько въ этомъ, когда то многомятежномъ и скорбномъ, а теперь укромномъ и мирномъ уголкѣ для принесенія на святой трапезѣ его безкровной жертвы о памяти и оставленіи грѣховъ раба Божія Арсенія, проведшаго всю жизнь въ борьбѣ съ чужими убѣжденіями и вѣяніями того времени и павшаго жертвою изъ-за насъ, и о дарованіи и намъ, падающимъ духомъ, дара терпѣнія и любви. Самая же камера историческаго узника служитъ теперь предверіемъ или притворомъ къ сказанной церкви; на стѣнѣ оной (камеры) виситъ портретъ Мацѣевича, величиной въ квадратный аршинъ, на которомъ онъ изображенъ двояко: и въ санѣ святителя въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, и въ образѣ русскаго мужика, въ крестьянскомъ зипунѣ, подстриженнымъ въ скобку, съ небольшой бородой и въ поярковой шляпѣ,—муцциной лѣтъ 45-ти. Здѣсь на полу лежитъ деревянная колода, вѣсомъ до двухъ пудовъ, со вбитымъ въ нее желѣзнымъ кольцомъ, которую привѣшивали ему по временамъ, то на шею, то на ноги—и для усиленія наказанія и для воспрепятствованія побѣга изъ заключенія. Съ грустью въ сердцѣ и съ молитвою на устахъ мы оставили это историческое мѣсто.

Разсматривали и другія мѣста заключенія, здѣсь же подъ церковью устроенныя, донельзя сырыя, темныя, холодныя, безъ оконъ, безъ половъ, и только нишами для дверей. Въ одномъ изъ нихъ заключенъ былъ Новгородскій архіепископъ и старшій членъ Святѣйшаго Сунода Ѳеодосій Яновскій въ 1725 году, при Екатеринѣ I-й, за то, что онъ будто бы поносилъ царя, жаловался на униженіе церкви, на то, что въ ней монархіи нѣтъ никакой, что ея пастыри не имѣютъ никакой силы, что народъ нужно учить не казнями, а учить надобно чрезъ школы, инструментъ же желѣзный не диковина, всего дать двѣ гривны и пр.; послѣ чего начался розыскъ. Послѣ слѣдствія онъ былъ лишенъ сана и подъ именемъ чернеца Ѳедоса сосланъ подъ крѣпкій

караулъ въ Корельскій монастырь, гдѣ и умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тѣсной и холодной тюрьмѣ.

Обозрѣвъ засимъ ризницу, въ которой не много сохранилось древнихъ священныхъ предметовъ, да и то не выдающихся ничѣмъ особеннымъ, пересмотрѣвъ нѣсколько рукописей и книгъ въ монастырской библіотекѣ, мы въ 12 часовъ ночи, подкрѣпленные братской трапезой и снабженные знающимъ свое дѣло кормчимъ, благополучно и скоро возвратились въ Архангельскъ.

Вскорѣ по отбытіи въ Москву преосвященнаго Александра, прибылъ на Архангельскую паству и новый владыка Никаноръ. Мѣстный органъ такъ описываетъ его прибытіе: прослѣдовавъ съ парохода въ каѳедральный соборъ, владыка встрѣченъ былъ здѣсь полнымъ составомъ городского духовенства и массою Архангелогородцевъ. Поцѣловавъ крестъ, онъ прошелъ въ алтарь и затѣмъ во время литіи прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ и, по провозглашеніи протодіакономъ многолѣтія, произнесъ съ амвона прекрасное слово, построеніе коего, простота, послѣдовательность и плавность и изложеніе экспромтомъ убѣждаютъ, что въ лицѣ новаго Архипастыря мы встрѣчаемъ высокоодареннаго церковнаго оратора. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ и весьма представительный, владыка на всѣхъ, видѣвшихъ его, произвелъ пріятное впечатлѣніе. Преосвященный Никаноръ, въ мірѣ Никифоръ Тимоѳеевичъ Каменскій, сынъ діакона Астраханской епархіи, по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи рукоположенъ во священника въ 1868 году въ село Бережковку, и затѣмъ, вскорѣ овдовѣвъ, въ 1870 году поступилъ въ Казанскую Духовную Академію, гдѣ, окончивъ курсъ и получивъ въ 1879 г. степень магистра, въ этомъ же году назначенъ ректоромъ Казанской семинаріи съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Въ 1889 году постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1891 г. произведенъ во Епископа съ назначеніемъ состоять викаріемъ Казанской епархіи, а въ семъ году Высочайше повелѣно быть Никанору епископомъ Архангельскимъ.

12 іюня, въ субботу, проходя по соборной городской площади, мы крайне удивлены были тѣмъ, что ѣхавшіе мимо насъ въ открытомъ фаэтонѣ монахъ съ наперснымъ крестомъ и другая духовная особа въ черной поярковой шляпѣ, пристально всматривались въ наше лицо, что озадачило насъ,—подумали: не есть ли, одинъ изъ нихъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, ожидаемый въ Архангельскъ?—и при этомъ мысленномъ предположеніи невольно взялись за шляпу и привѣтствовали ѣхавшихъ поклономъ, на что намъ отвѣчали взаимно тѣмъ же. Не успѣли мы сдѣлать и пяти шаговъ впередъ, какъ выбѣжавшій изъ за угла народъ вслѣдъ прокатившагося экипажа кричалъ: это о. Іоаннъ, о. Іоаннъ!!. Пожалѣли мы, что не имѣли возможности видѣть его лицемъ къ лицу и облобызать его благотворящую десницу, чего давно и пламенно желали... и желанію нашему нежданно-негаданно суждено было исполниться при самой удобной минутѣ.

Услыхавъ звонъ къ воскресной всенощной, мы ставили себѣ вопросъ: въ какую бы намъ идти церковь къ вечернему богослуженію,—и остановились на Боровской, Успенской. И вотъ тутъ-то мы и удостоились видѣть его, о. Іоанна, и слышать его четкое, осмысленное и трогательное чтеніе канона св. Троицѣ, Воскресенію Господа и Успенію Богоматери, предъ царскими вратами. Народу было такъ много, что и намъ, стоявшимъ на клиросѣ было отовсюду до того тѣсно, что нельзя было и помышлять при выходѣ о. Іоанна изъ алтаря подойти къ нему и облобызать его руки и испросить его молитвъ о здравіи нашемъ и спасеніи. Во время чтенія перваго часа, мы во чтобы то ни стало рѣшились протиснуться въ алтарь,—и не вотще: лишь только мы вошли въ него, какъ тутъ возлѣ сѣверной двери и стоялъ о. Іоаннъ, бесѣдуя съ какимъ то подобнымъ намъ пришельцемъ. Мы тужъ минуту преклонились предъ нимъ, прося его св. молитвъ о своемъ здравіи и спасеніи; спросивъ кто мы, онъ, прижавъ къ себѣ, троекратно облобызалъ насъ, а потомъ мы запечатлѣли наше свиданіе взаим-

нымъ цѣлованіемъ рукъ. Чрезъ пять минутъ, проходя мимо насъ изъ алтаря для выхода изъ церкви, онъ произнесъ: до свиданія, дорогой! при чемъ мы опять облобызались. Утѣшенные такою ласкою и привѣтомъ досточтимаго о. Іоанна, мы пошли во свояси въ веселіи сердца, благодаря Бога за все видѣнное и слышанное.

13 іюня, въ Воскресенье, новый преосвященный совершалъ первую по прибытіи въ Архангельскъ Божественную литургію, при чемъ вмѣстѣ съ соборомъ священнослужителей, на этотъ разъ былъ сослужителемъ Владыки, прибывшій на канунѣ въ Архангельскъ, проѣздомъ на родину и высокочтимый о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. Нужно ли прибавлять, что соборный храмъ переполненъ былъ молящимися? За литургіей о. Іоаннъ Кронштадтскій произнесъ съ церковной каѳедры поученіе о силѣ вѣры, какія должны быть качества богоугодной вѣры и отъчего невѣріе и лукавство противны Богу. «Съ благословенія Владыки, такъ началъ свою проповѣдь о. Іоаннъ, обращаю къ вамъ сегодня, братіе архангелогородцы, земляки немощное мое слово. Съ чего же начну его? Что сдѣлаю предметомъ слова? Началомъ будетъ нынѣ чтенное Евангеліе, или слово о вѣрѣ римскаго сотника—язычника, силою которой онъ испросилъ у Господа исцѣленіе слуги своего. И всякій человѣкъ, продолжалъ о. Іоаннъ, чрезъ искреннюю вѣру, молитву и покаяніе можетъ все получить отъ Господа, всякую благодать и помощь. Съ покаяніемъ вѣра содѣлала грѣшниковъ — праведниками, блудныхъ — цѣломудренными, пьяницъ — трезвыми и трудолюбивыми, злыхъ—добрыми, малодушныхъ—мужественными, слабыхъ — сильными. Съ молитвою и покаяніемъ вѣра творила чудеса въ людяхъ, дѣлая въ нихъ спасительную перемѣну въ душахъ и тѣлахъ ихъ. Такъ будемъ вѣровать, и мы будемъ угодными Богу.» Въ заключеніе о. Іоаннъ сказалъ: «позволяю себѣ привѣтствовать васъ, архангелогородцы, съ новымъ архипастыремъ. Будемъ молить за него Верховнаго пастыреначальника, да даруетъ его—Ангела церкви Архангельской цѣла честна здрава долгоденствующа, право правяща

слово истины.» По окончаніи литургіи, Архипастырь благословилъ о. Іоанна иконой Пресвятыя Троицы, выразивъ ему въ краткой рѣчи глубокую благодарность за весьма щедрыя пожертвованія его въ пользу собора и другихъ церквей, а равно и духовныхъ учрежденій Архангельской епархіи, и пригласилъ духовенство и пѣвчихъ пропѣть досточтимому благотворителю многая лѣта. Мы за обѣдней стояли въ алтарѣ и все время лицезрѣли этого труженика Божія, запечатлѣли навсегда свѣтлыя и симпатичныя черты лица его и удостоились опять свидѣться съ нимъ и облобызать его десницу, при чемъ онъ успѣлъ только произнести: «Братія моя возлюбленная, небеснаго званія причастницы!..» Въ 6 часовъ вечера того же дня, послѣ посѣщенія Каѳедральнаго протоіерея и Князя Голицына, о. Іоаннъ, сопровождаемый архипастыремъ и кружкомъ интеллигенціи, отправился на свою родину, въ сл. Суру, Пинежскаго уѣзда...

Проходя чрезъ базарную площадь, мы поинтересовались узнать здѣшнія цѣны на жизненные продукты и оказалось, что пудъ ржаной муки стоитъ 1 р. 60 к.; крупичатой—3 р. 50 к.; гречневой и ячменной крупы—1 р. 50 к.; пудъ трески свѣжей, когда ловится—1 р., а когда нѣтъ ловли—8 р., фунтъ свѣжей семги—40 к., картофеля—2 к., палтусины рыбы—10 к., сахару—20 к., десятокъ яицъ—12 к., ведро молока 30 коп., сажень сосновыхъ и еловыхъ дровъ отъ 1 р. до 2 рублей; мѣсячная кухарка получаетъ жалованья отъ 1 р. и самое высшее—3 рубля.

При семъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что день самый длинный продолжается здѣсь-22 часа, а самый короткій—4 часа, солнце лѣтомъ прячется только на одинъ часъ, а самое лѣто продолжается 38 дней астрономическихъ, такъ что иногда не успѣваютъ высохнуть скошенныя травы и выспѣть посѣянныя хлѣба. Вотъ кончается іюнь, а шиповникъ еще и не начиналъ цвѣсти, травы же будутъ убирать чрезъ мѣсяцъ.

Наконецъ и намъ, хотя случайно, въ квартирѣ нашего дорогаго земляка, секретаря Консисторіи М. Г. Попова,

привучилось познакомиться съ новымъ Архангельскимъ владыкой. При представленіи нашемъ, услыхавъ объ имени и фамиліи нашихъ, онъ замѣтилъ: о, если это вы, то я давно уже знакомъ съ вами, въ бытность мою, въ 1888 году въ Палестинѣ, я много наслышался о васъ и о вашей тамъ дѣятельности... имѣю вашу книгу; пріятно повести съ вами рѣчь о святой землѣ». На это мы отвѣтили: «насколько успѣшна и плодотворна была тамъ наша миссія вѣдаетъ Пастыреначальникъ Іисусъ, но въ Россіи, теперь вкушаемъ горькіе плоды отъ нея, испытывая съ той поры тяжелый матеріальный и моральный гнетъ... но да будетъ на все Его святая воля!..» «Я, вотъ на дняхъ, продолжалъ владыка, выѣзжаю въ Соловецкій монастырь,—быть можетъ и вамъ угодно будетъ попутешествовать со мной?» Съ чувствомъ сердечной благодарности приняли мы это нежданное и какъ нельзя болѣе кстати подходящее намъ предложеніе, и съ радостнымъ настроеніемъ стали готовиться къ предстоящему плаванію на сѣверный желанный Аѳонъ Русскій—Соловки.

Свящ. А. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ПУТИ ВЪ РУССКІЙ АѲОНЪ—СОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ.*)

Въ воскресенье, 20 іюня, выслушавъ напутственный молебенъ въ соборѣ, владыка Никаноръ съ назначенными сопутствовать ему лицами, числомъ до 15-ти, а въ томъ числѣ и мы, прибыли къ 4 часамъ вечера въ Саламбуму, на Соловецкую пристань, гдѣ ожидалъ насъ монастырскій пароходъ *Архангелъ Михаилъ* съ крестомъ на мачтѣ, и гдѣ собралась многочисленная публика для провожанія архіерея и знакомыхъ, отъѣзжающихъ пассажировъ. Ровно въ 4 часа раздался звонъ колоколовъ по всему городу, когда появился владыка, сопровождаемый духовенствомъ и массой народа на палубу, гдѣ, простившись съ избранными, громко произнесъ: «Господу помолимся!» и, преклонивъ главу въ молитвенномъ положеніи, прочелъ—«Нынѣ отпущаеши» и пр.; затѣмъ, благословивъ остающихся на сушѣ, велѣлъ капитану отчалить отъ берега, но едва пароходъ началъ идти полнымъ ходомъ, какъ случился съ нимъ инцидентъ, угрожавшій разразиться страшными послѣдствіями, съ человѣческими жертвами и громаднымъ матеріальнымъ ущербомъ: коварный *Англезъ*, надѣясь на свое проворство и ловкость, въ это же самое время началъ дѣлать оборотъ съ своимъ пароходомъ, чтобы ѣхать дальше и загородилъ путь нашему: столкновеніе было неизбѣжно и—разгромъ,—и только благодаря дружному и искусному

*) Продолж. См. майскую-іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1894 г. и мартовскую кн. 1895 г.

дѣйствію и лавировкѣ нашихъ матросовъ-монаховъ, молитвамъ рабовъ Божіихъ и заступничеству Соловецкихъ угодниковъ, ради которыхъ мы воспріяли трудный путь, все окончилось только разрушеніемъ верхней площадки на нашей палубѣ.

Насъ въ первоклассныхъ каютахъ собралось не много: одинъ подполковникъ, докторъ съ женой, купецъ изъ Перми, соборный староста изъ Архангельска и два секретаря духовнаго вѣдомства оттуда же, второклассныхъ пассажировъ до сотни и въ закрытой палубѣ до 400 душъ.

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше. отдѣльныя лица сливались въ одну массу и, наконецъ, исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо. По ту и другую сторонамъ рѣчная даль ограничивалась низменными, пустыми, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село мелькало, какъ призракъ, или показывались массы лѣсныхъ вершинъ, едва, едва замѣтныхъ въ отдаленіи... и тихая грусть проникала въ сердце. Кое-гдѣ вдоль береговой линіи мелькали паруса рыбачьихъ лодокъ и карбасовъ. Вотъ пронеслась поморская шкуна; въ нѣсколько минутъ прошло три-четыре парусныхъ корабля, проплылъ не одинъ иностранный пароходъ за лѣсомъ, а тамъ — нашъ военный «Наѣздникъ» съ сотней команды, шедшій къ Мурманскому берегу для охраненія нашихъ водъ отъ хищнической ловли рыбы, тюленей и моржей шведами и норвежцами — бросилъ якорь.

Проѣхавъ около 60 верстъ, мы вошли въ Бѣлое море. Пароходъ начало слегка покачивать... У многихъ уже вытянулись лица. Мы оглядѣли небо. Весь сѣверо-западъ затягивало тучами. Волны становились крупнѣе и крупнѣе. Качка становилась все сильнѣе и сильнѣе. Почти сразу вся палуба покрылась страдальцами. Вопли и стоны раздавались повсюду. Больные быстро теряли силу; послѣ первыхъ двухъ пароксизмовъ морской болѣзни они неподвижно лежали, не имѣя силъ даже повернутся. Нѣкоторыхъ перекатывало съ одной стороны парохода на другую. Наступала ночь, а вол-

неніе все усиливалось: пароходъ то поднимало вверхъ, то вдругъ сбрасывало внизъ въ клокочущую бездну... И все это такъ бушевало и ревѣло 16 часовъ.

На другой день, когда мы вышли на палубу, то впереди увидѣли какія-то смутныя очертанія. Нѣкоторые изъ богомольцевъ молились, иные плакали, другіе обнимались. Волны становились меньше и меньше. Одинъ-другой поворотъ—и «Архангелъ Михаилъ» входитъ въ бухту, въ глубинѣ которой поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою построекъ и множествомъ церквей и часовенъ... Это и былъ желанный русскій сѣверный Аѳонъ—Соловки... И сколько головъ приклонились въ эту минуту, сколько рукъ творило крестное знаменіе! Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ... И только ливмя лившій дождь мѣшалъ всецѣлому выраженію ихъ чувствъ.

Владыка по пріѣздѣ сейчасъ же прошелъ въ соборъ при громѣ 40 колоколовъ, въ предшествіи всей братіи съ игуменомъ во главѣ и въ сопровожденіи тысячной толпы богомольцевъ. По окончаніи обычной литіи владыкой въ сослуженіи настоятеля и 18 іеромонаховъ отслуженъ былъ молебенъ препод. Зосимѣ и Савватію предъ раками ихъ, въ концѣ котораго онъ прикладывался къ мощамъ ихъ, а равно всѣ мы, сопутствовавшіе ему; засимъ владыка, ставъ на солеѣ, послѣ краткой рѣчи къ братіи, передалъ въ благословеніе обители икону Казанской Божіей Матери.

По краткомъ отдыхѣ и завтракѣ всѣ, приглашенные владыкою, сопутники, отправились вмѣстѣ съ нимъ осматривать монастырскія церкви, ризницу, библіотеку и архивъ. Соборъ величественныхъ размѣровъ, въ особенности богатъ живописью, которая виднѣется даже на столбахъ, подпирающихъ куполъ. Иконостасы въ соборѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ церквахъ, во всю восточную стѣну отъ низу до верха, т. е. до сводовъ—рѣзные, всѣ золоченые, художественной работы и уставлены иконами въ византійскомъ стилѣ и многія изъ нихъ въ богатыхъ сребровызлащенныхъ окла-

дахъ. Въ ризницѣ дивились богатой и замѣчательной коллекціи древней и новой церковной утвари: чашъ, дискосовъ, между которыми есть чистаго золота, напрестольныхъ крестовъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями, златокованныхъ Евангелій, изъ нихъ иные вѣсомъ до 2 пудовъ,—цѣнныхъ митръ, древнихъ иконъ, множеству изящныхъ архимандричьихъ крестовъ, осыпанныхъ алмазами, бриллiантами, сапфирами и изумрудами, священныхъ облаченій преизящно расшитыхъ шелками, золотомъ и унизанныхъ жемчугомъ,—изъ нихъ заслуживаетъ вниманія священническая риза препод. Савватія, устроенная изъ самаго простого и дешеваго матеріала вродѣ крашенины; видѣли также и деревянныя священные сосуды, въ которыхъ Соловецкіе угодники совершали таинство безкровной жертвы. Здѣсь хранится не одинъ десятокъ грамотъ царскихъ, съ изящными разрисованными виньетками, громадными восковыми золочеными печатями, заключенными въ металлическіе футляры и висящими на богатыхъ шелковыхъ шнурахъ и лентахъ. Есть нѣсколько богослужебныхъ книгъ и въ томъ числѣ Евангелій, начертанныхъ на пергаментѣ рукою искуснаго скорописца. Словомъ—ризница по древности или художественности нѣкоторыхъ вещей, по богатству, обилію и своеобразности хранящихся въ 20-ти шкафахъ священныхъ предметовъ заслуживаетъ полнаго вниманія каждаго посѣтителя св. обители, и ничуть не уступаетъ нашимъ лаврскимъ. Кромѣ сего, насъ, мірянъ, поразили лежащіе тутъ же на окнахъ разнаго рода и вида желѣзныя вериги неизвѣстныхъ аскетовъ, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ веригахъ вѣсъ доходитъ до двухъ пудовъ. Приходишь въ удивленіе, какъ рабы Божіи, при грубости издѣлія веригъ, при суровости климата, при присущей металламъ хладности, могли въ продолженіи десятковъ лѣтъ выносить гнетущую тяжесть и остроту ихъ, будучи обвиты ими отъ выи до пояса, спереди и сзади, на подобіе панцыря, имѣя при этомъ въ виду и крайнюю изможденность плоти веригоносцевъ отъ усиленныхъ подвиговъ поста и молитвы?! Подлинно, дивенъ

Богъ во святыхъ своихъ! Библіотека заключаетъ въ себѣ книги, большею частію того времени, въ которое предки наши любили видѣть ихъ въ кожаномъ переплетѣ. Есть впрочемъ прекрасныя и дорогія изданія новѣйшаго времени съ великолѣпными рисунками, относящіяся до топографіи сѣвернаго края, съ его землями, водами и живущими тамъ и съ его флорой вообще, а въ частности Соловецкаго острова. Въ особомъ шкафикѣ обращаютъ на себя вниманіе сотни книгъ, пожертвованныхъ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Архива же не имѣли времени и возможности осмотрѣть.

Въ этотъ же день должна была состояться предположенная владыкою поѣздка наша въ г. Онегу, но по сильному вѣтру и морскому волненію отложенная до болѣе благопріятнаго часа. Чтобы не терять времени, владыка, а съ нимъ и мы поѣхали по прекрасной шоссейной дорогѣ среди сплошнаго лѣса въ отстоящіе отъ монастыря на 10 — 15 верстъ два скита, именуемые: *Сѣкирная гора* и *Савватіева пустынь*, гдѣ преподобные Зосима и Савватій проводили въ молитвенныхъ подвигахъ первое время своей отшельнической жизни на островѣ. Гора довольно высока и остроконечна, на ней стоитъ церковь во имя Вознесенія Господня съ придѣломъ въ честь арх. Михаила. Эта гора, съ растущими на ней сосновыми и еловыми деревьями, много напоминаетъ одну изъ нашихъ святогорскихъ возвышенностей (Харьк. губ.) и именно, гдѣ стоитъ Преображенская церковь, и съ устроеннымъ на ней маякомъ видна съ сѣвера, запада и юга на разстояніи почти 100 верстъ съ каждой сторонѣ. По окончаніи осмотра церкви, скита и окрестностей съ высотъ маяка, владыкѣ и спутникамъ предложенъ былъ чай въ гостиной скита.

Въ Савватіевой пустыни мы зашли въ находящуюся здѣсь церковь во имя Одигитріи Смоленской Божіей Матери, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ поселился и жилъ до конца жизни своей препод. Савватій. Здѣсь замѣчательная икона Одигитріи, обрѣтенная, какъ значится внизу оной,

игуменомъ Филиппомъ,—впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ и вся Россіи,— въ 1543 году. Невдалекѣ отсюда стоитъ каменная часовня, въ которой поставленъ громадный деревянный крестъ тѣмъ же Соловецкомъ игуменомъ Филиппомъ. Въ настоятельскомъ корпусѣ пріятно было видѣть на стѣнѣ видъ нашего, столь близкаго нашему сердцу, Святогорскаго монастыря, нигдѣ отъ Москвы и до Соловокъ нами не виданнаго. По настоянію игумена мы зашли въ келію глубокаго старца іеросхимонаха Зосимы, который, показывая намъ булавку въ мизинецъ длиной, съ головкой въ горчичное зерно, объяснилъ между прочимъ, что эту булавку проглотила нечаянно одна женщина, его духовная дочь, съ кускомъ хлѣба; въ страшныхъ утробныхъ спазмахъ, она взяла въ руки бывшій у нея бумажный образъ препод. Зосимы и Савватія и лишь только коснулась ихъ ликовъ устами, какъ булавка сама собой легко выпала на бумагу. На радостяхъ и для изъявленія благодарности Богу и св. Соловецкимъ угодникамъ, она пришла помолиться и лично повѣдать своему духовнику о бывшемъ надъ нею чудѣ, съ отдачей ему самой булавки для доказательства подлинности его и на память будущимъ родамъ.

Здѣсь же Вологодцы разсказывали и о новѣйшемъ дивномъ событіи, совершившемся нынѣшней весной надъ пароходовладѣльцемъ Булычевымъ. Во время необыкновеннаго сильнаго разлива рѣкъ Сухоны и Сѣв. Двины, его баржи оторвало отъ берега, понесло по теченію и затерло въ конецъ во льдахъ; на одной изъ нихъ находился онъ самъ; окруженный льдами, онъ ежеминутно готовился къ неизбѣжной катастрофѣ; въ такомъ положеніи несло ихъ съ опасностію для жизни болѣе 200 верстъ и въ то время какъ по человѣческимъ соображеніямъ, казалось, уже не оставалось никакой надежды на спасеніе, они совершенно неожиданно, какимъ-то чудомъ, безъ всякаго пособія людскаго, втиснуты были въ заливъ именно къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ часовня въ честь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, откуда впослѣдствіи времени благопо-

лучно прибыли домой въ Вологду. Спасенный и пораженный такимъ дивнымъ заступничествомъ ихъ, Булычевъ въ благодарномъ и признательномъ сердцѣ далъ обѣщаніе провести въ Соловецкой обители цѣлое полугодіе въ молитвѣ и духовныхъ подвигахъ и на пользу матеріальную монастыря.

Такъ какъ насъ все интересовало на Соловецкомъ островѣ, а мы сами не имѣли ни времени, ни возможности осмотрѣть все въ подробностяхъ, то мы на обратномъ пути въ обитель отъ сопутствовавшей намъ братіи и не преминули позаимствоваться отъ нихъ коечѣмъ. Такъ, по словамъ ихъ, Соловецкій островъ, протянувшійся въ длину, отъ юга къ сѣверу, до 25 верстъ и въ ширину, отъ востока къ западу, до 16 верстъ, имѣетъ почву весьма влажную, съ многочисленными озерами, число которыхъ восходитъ до 300; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ длину до 4 верстъ, какъ, напр., озеро Бѣлое, и въ поперечникѣ болѣе версты. Морозы здѣсь рѣдко достигаютъ до 20%, а причина этому не замерзающія воды, заключающія въ себѣ теплоту, смягчающую холодъ. Сообщеніе съ островомъ прекращается за льдами съ октября мѣсяца и по май; а въ нынѣшнемъ году, кстати замѣтимъ, открылось сообщеніе только въ половинѣ іюня, и тоже мѣшали льды, но только Ледовитаго океана; теплота лѣтомъ восходитъ до 20, лѣто продолжается 36 дней, самый долгій день продолжается 21 часъ и 56 минутъ, а кратчайшій— два часа и четыре минуты, и въ лѣтнія ночи безъ труда можно заниматься чтеніемъ; болѣзней повальныхъ почти не бываетъ, исключая цынготной: такъ здоровъ здѣсь климатъ! А если и бываютъ, то отъ врожденной слабости, а не отъ климата; хлѣбъ здѣсь не созрѣваетъ, сѣна мало, почему и скота содержится немного, зато островъ обиленъ лѣсами, роскошно растущими здѣсь на влажной почвѣ, между глыбами камня на песчанномъ грунтѣ. Осина, ива, ольха, тальникъ, ель, сосна, пихта и береза, годная и для мебели. Изъ кустарниковъ произрастаютъ: можевельникъ, черная и красная смородина, малина, щипицникъ и дикій перецъ. Изъ ягодъ

родятся: морошка, клюква, черника, голубецъ и вороница, также грибы разныхъ родовъ. На удобренныхъ навозомъ плантаціяхъ растутъ на пространствѣ двухъ десятинъ: рѣпа, брюква, рѣдька, чеснокъ, лукъ, свекла, картофель, морковь, хрѣнъ, чаберъ и зеленая капуста, но въ маломъ количествѣ; кромѣ сего, сельдерей, петрушка, пастернакъ и огурцы въ парникахъ, но вкусъ ихъ много уступаетъ нашимъ малороссійскимъ, растущимъ подъ благодатнымъ небомъ. Изъ животныхъ болѣе всего водятся олени, которые здѣсь живутъ въ дикомъ состояніи въ количествѣ не менѣе 1000 т., изъ коихъ каждый годъ ловятъ до 200 шт. и бьютъ ихъ для выдѣлки сапожнаго товара, для набивки шерстью ихъ — тюфяковъ и подушекъ, а мясо ихъ идетъ въ пищу мірскимъ монастырскимъ рабочимъ. Въ морѣ и заливахъ ловятся прекрасные сельди въ іюнѣ мѣсяцѣ, камбала, корюха, треска, зубатка, пимагоры, кочарги, семга, морскіе раки, полипы, имѣющіе видъ звѣзды о пяти рожкахъ. На озерахъ ловятся: щуки, окуни, сиги, плотва, караси и налимы. Ловъ рыбы съ каждымъ годомъ уменьшается. Изъ птицъ обитаютъ орлы, ястребы, вороны, глухари и куропатки; прилетаютъ на время: лебеди, журавли, гуси, гагары и утки и др. Изъ пѣвчихъ птицъ: зяблики, малиновки и др., а изъ водящихся внутри монастыря: воробьи, голуби и чайки. Особеннаго вниманія заслуживаютъ чайки; онѣ величиной въ молодаго гуся, съ бѣлымъ цвѣтомъ перьевъ и съ сизыми крыльями, прилетаютъ съ Ледовитаго океана въ концѣ марта, для высиживанія дѣтей внутри обители, и съ этого времени дѣлаются ручными и даже болѣе смѣлыми, чѣмъ паша домашняя птица; до нельзя непріятенъ ихъ дневной и ночной крикъ на подобіе, какъ у павлина. Отличаются необыкновенною прожорливостью, почему иногда съ наглостію бросаются на кормъ и вырываютъ его изъ рукъ ядущаго человѣка; по прожорливости своей каждая можетъ проглотить до полфунта печенаго хлѣба. Въ половинѣ августа улетаютъ въ открытое море до слѣдующей весны. Лѣтомъ въ

великомъ множествѣ рѣютъ въ воздухѣ комары, мухи и мошки, змѣй пѣтъ и гадовъ также, исключая ящеричъ. На островѣ много гранита, красной охры, есть камни похожіе на сардоликъ, а нѣкоторые кристаловидны и прозрачны и по выдѣлкѣ и по ограненіи оказываются годными для украшенія.

Вечеромъ того же 22 іюня стало тише на морѣ, и мы отправились въ г. Онегу вмѣстѣ съ преосвященнымъ, которая разстояніемъ отъ Соловокъ въ 180-ти верстахъ. Во время плаванія, на пароходѣ совершено было всенощное бдѣніе, а утромъ слѣдующаго дня, мы съ двумя іеромонахами и во главѣ съ владыкой поплыли на лодкѣ къ городу, а потомъ, на сушѣ, за неимѣніемъ экипажа, всѣ принуждены были идти болѣе версты пѣшкомъ въ соборную церковь, гдѣ и совершена была архипастыремъ литургія съ шестерыми священнослужителями, а въ концѣ оной (въ виду раскола) сказана имъ проповѣдь о неуклонномъ пребываніи въ церкви православной, держась единенія и любви. Подкрѣпившись послѣ обѣдни чаемъ у мѣстнаго протоіерея. владыка посѣтилъ городскую больницу, городское мужское училище, ремесленную школу и женскую прогимназію, и у попадавшихся на пути мальчиковъ и дѣвочекъ спрашивалъ молитвы, задавалъ разные вопросы по катихизису, раздавалъ книжечки и крестики, и, возвращаясь на пароходъ, посѣтилъ одного солиднаго онежскаго коммерсанта, который, въ благодарность за это, на радостяхъ, какъ евангельскій Закхей, пожертвовалъ на соборную церковно-приходскую школу *сто* рублей. Онега, городъ небольшой, скучный и, какъ видно по постройкамъ, бѣдный и малоторговый, всего съ двумя-тремя лавками и съ однимъ только каменнымъ домомъ, принадлежащимъ помянутому лѣсному торговцу.

Продолжая путь дальше, мы хотя и съ большимъ трудомъ, по случаю сильнаго волненія въ Онежской губѣ, но пристали къ острову Кію, находящемуся въ 15 верстахъ отъ г. Онеги. Когда приближаешься къ этому острову, то еще

издали видится довольно живописная картина окруженной зеленью св. обители, съ ея высокими главами древне-историческихъ по своему возникновенію, величественныхъ храмовъ и другихъ строеній. Основателемъ и строителемъ этого монастыря былъ Никонъ, впослѣдствіи знаменитый патріархъ московскій и всея Россіи, по слѣдующему случаю. Во время переѣзда изъ Соловецкаго Анзерскаго скита для жительства въ другую обитель, Никона и его сопутниковъ застигла сильная буря, такъ что они ежеминутно опасались за свою жизнь. Но Никонъ въ горячей молитвѣ усердно молился Господу о спасеніи своемъ и Господь призрѣлъ на его молитву: судно ихъ выброшено было волнами на каменистый берегъ неизвѣстнаго острова. Преданіе говоритъ, что Никонъ, выйдя на островъ: спросилъ: Кій сей островъ? и узнавши, что оный безъ наименованія, сказалъ: пусть онъ съ этого времени называется «Кій». Поставивши на томъ мѣстѣ крестъ, (который и теперь существуетъ), гдѣ выброшено было судно, онъ далъ Господу Богу обѣтъ устроить на семъ островѣ обитель въ честь Животворящаго Креста Господня, которую и разрѣшено было ему устроить въ 1656 году грамотою царя Алексія Михайловича, монастырь велѣно назвать «Ставросъ» или по русски—«Крестный».

Свящ. А. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ПУТИ ВЪ РУССКІЙ АѲОНЪ—СОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ.*)

Въ предыдущей, апрѣльской книжкѣ было сказано, что продолжая свой путь мы хотя и съ большимъ трудомъ, по случаю сильнаго волненія въ Онежской губѣ, но пристали къ острову Кію, находящемуся въ 15 верстахъ отъ г. Онеги. Когда приближаешься къ этому острову, то еще издали видится довольно живописная картина окруженной зеленью св. обители, съ ея высокими главами древне-историческихъ по своему возникновенію, величественныхъ храмовъ и другихъ строеній. Основателемъ и строителемъ этого монастыря былъ Никонъ, впослѣдствіи знаменитый патріархъ московскій и всея Россіи, по слѣдующему случаю. Во время переѣзда изъ Соловецкаго Анзерскаго скита для жительства въ другую обитель, Никона и его сопутниковъ застигла сильная буря, такъ что они ежеминутно опасались за свою жизнь. Но Никонъ въ горячей молитвѣ усердно молился Господу о спасеніи своемъ и Господь призрѣлъ на его молитву: судно ихъ выброшено было волнами на каменистый берегъ неизвѣстнаго острова. Преданіе говоритъ, что Никонъ, выйдя на островъ: спросилъ: Кій сей островъ? и узнавши, что оный безъ наименованія, сказалъ: пусть онъ съ этого времени называется «Кій». Поставивши на томъ мѣстѣ крестъ, (который и теперь существуетъ), гдѣ выброшено было судно, онъ далъ Господу Богу обѣтъ устроить на семъ островѣ обитель въ честь Животворяща-

*) Продолж. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1895 г.

го Креста Господня, которую и разрѣшено было ему устроить въ 1656 году грамотою царя Алексія Михайловича, монастырь велѣно назвать «Ставросъ» или по русски—«Крестный».

Къ нему приписаны были многія окружныя деревни съ населеніемъ до 5.000 крестьянъ и многія другія угодья и рыбныя ловли; при такихъ средствахъ число братіи въ тѣ времена доходило до 100 человѣкъ,—и такъ какъ это мѣсто удобно было для стоянки кораблей, то на Кіѣ-островѣ были устроены лѣсная биржа и таможня, которыхъ теперь не существуетъ, и только на лѣто пріѣзжаетъ таможенный чиновникъ для наблюденія за проходящими иностранными суднами. Патріархъ, несмотря на всѣ козни и гоненія отъ враговъ, умалившія его значеніе и средства, довелъ до конца святое дѣло устроенія обители и за короткое сравнительно время сдѣлалъ пустынный и скалистый островъ истиннымъ вертоградомъ духовнымъ, отовсюду славимымъ, и цвѣтущимъ обиліемъ подвижниковъ, привлекавшихъ вниманіе христолюбивыхъ благотворителей, присылавшихъ сюда щедрые дары, и толпы богомольцевъ. Но такое цвѣтущее состояніе обители продолжалось только до 1762 года, когда по Высочайшему повелѣнію отобраны были отъ монастырей вотчины, и въ томъ числѣ и отъ Крестнаго. Теперь число братства самое ограниченное—до 10 человѣкъ. Всѣ четыре церкви, изъ коихъ одна деревянная,—кладбищенская, сооружены и освящены самимъ Никономъ, а весь монастырь обнесенъ прочною деревянною двойною оградою, срубленною изъ двухъ плахъ, соединенныхъ поперечными связями, покрытыхъ на два ската, въ вышину 1 сажень, въ ширину 1 аршинъ, въ ней пять башень — типъ постройки встрѣчающійся весьма рѣдко. Изъ 9-ти колоколовъ, находящихся на колокольнѣ, на одномъ—повседневномъ—въ 32 пуда, мы прочли слѣдующую надпись: року А. Я. М. Д. Мѣсяцъ Февраль, сей звонъ уробленъ кучей хвалы Божіей Пресвятої Матери въ Пуслѣнкахъ за панованія короля Владислава Д. А. З. Я. архимандритства отца Варлаама Козинскаго

Shane fecit anno Domini лѣта 7160 марта въ 1 день въ домъ... Пречистаго и Животворящаго Креста Господня на Кій-островъ далъ сей колоколъ Великій государь Святѣйшій Никонъ, Патріархъ московскій и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи въ свое строеніе.

Управлялся монастырь съ самаго начала архимандритами. Всѣхъ настоятелей съ основанія его въ 1658 году и до настоящаго времени было—40, изъ коихъ послѣдній, Варлаамъ, управлявшій сею обителью съ 1886 года, теперь переведенъ настоятелемъ въ Соловецкую, которою благополучно и съ достоинствомъ и честію управляетъ и до дне сего, а на мѣсто его возведенъ въ санъ игумена Крестнаго монастыря бывшій строитель скита Соловецкаго «Сѣкирной горы» боголюбивый отецъ Матѳій

Въ 1885 году Крестный монастырь удостоился посѣщенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

Изъ 15-ти древнихъ и цѣнныхъ монастырскихъ вещей, мы укажемъ только на слѣдующія: 1) мѣдное литое паникадило, вѣсомъ въ 30 пудовъ—даръ патріарха Никона, висящее и теперь среди церкви; 2) каменный престолъ, устроенный въ Воздвиженскомъ храмѣ на самой (природной) скалѣ, на подобіе гроба Господня; 3) серебряный золоченый ковшъ, съ характерною оригинальною надписью: «далъ патріархъ Никонъ 7165, а кто украдетъ, да будетъ проклятъ»; 4) посохъ деревянный патр. Никона, простой работы, и точеный подсвѣчникъ, предносившійся предъ нимъ во время его служенія; 5) двѣ митры—изъ коихъ одна деревянная, обложенная по дскамъ писанными иконами, а другая черная бархатная. Кромѣ сего, нѣсколько пушекъ около соборнаго храма, которыя въ числѣ другихъ, въ 1657 году, сопровождали отъ Москвы и до Крестнаго монастыря «Великій Крестъ», отправленный сюда Никономъ съ большимъ торжествомъ и о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Изъ книгъ древнихъ замѣчательны: рукописное житіе патріарха Никона, въ 250 листовъ, писанное полууставомъ,

проповѣди разныхъ св. отцевъ и описаніе чудесъ, бывшихъ въ Крестномъ монастырѣ отъ честнаго Креста Господня, о которомъ мы выше упомянули—самой главной, дорогой и замѣчательной святыни сего святаго мѣста, о которомъ—крестѣ—не лишне сказать нѣсколько словъ.

Патріархъ Никонъ, устроя монастырь, въ тоже время озаботился между прочимъ дать ему святыню, которая привлекала бы въ его стѣны благочестивыхъ поклонниковъ, для чего отправилъ въ Палестину іеромонаха, поручивъ ему соорудить тамъ изъ кипариса крестъ по точному размѣру Креста Христова въ 4 аршина и 13 вершковъ длины, и поперечную часть его въ 2 аршина 13 вершковъ, а въ ширину 5 вершковъ. Порученіе было въ точности исполнено и устроенный Крестъ привезенъ въ Москву, гдѣ патріархъ Никонъ обложилъ его листовымъ позлащеннымъ серебромъ и вложилъ въ него многія святыни. Такъ, въ верхнемъ сребропозлащенномъ ковчегѣ, вставленномъ въ самую средину Креста, положены части: подлиннаго Древа Креста Господня и Ризы Господней, къ которымъ и нынѣ богомольцы прикладываются; въ пятнадцати сребропозлащенныхъ звѣздахъ вложены части: камня Гроба Господня, камня Вертепа, въ которомъ родился Христосъ, и пещеры, гдѣ постился Спаситель, камня отъ гроба Пресв. Богородицы и другія. Далѣе, тоже на лицевой сторонѣ, водружено крестообразно 97 частей мощей св. угодниковъ Божіихъ и надъ ними въ сребропозлащенныхъ дщицахъ изображенія ликовъ сихъ святыхъ. На задней сторонѣ Креста вложены частицы мощей другихъ святыхъ, безъ означенія ихъ именъ, всего же болѣе 300 частей. Благоукрасивъ такимъ образомъ Крестъ, патріархъ Никонъ торжественно освятилъ его и послѣ литургіи и напутственнаго молебна отправилъ его, какъ раньше сказано, въ 1657 году въ Крестный монастырь въ сопровожденіи духовенства, двухъ ротъ драгунъ и пушкарей съ заряженными орудіями, изъ коихъ нѣкоторые, какъ мы замѣтили, и теперь красуются въ монастырской оградѣ. Иноки встрѣтили Крестъ при звонѣ колоколовъ и

громѣ орудій и поставили его въ соборной церкви на мѣстѣ храмоваго образа, гдѣ стоитъ и понынѣ, окруженный богатѣйшимъ мраморнымъ кіотомъ, на которомъ по сторонамъ Креста изображены въ благоговѣйномъ созерцаніи онаго цари Константинъ и Елена (коимъ въ лицахъ придано сходство съ современными патріарху Никону царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и царицей Маріей Ильиничной, принимавшими сначала горячее участіе въ устроеніи Крестнаго монастыря) и въ колѣнопреклоненномъ положеніи самъ патр. Никонъ, въ духовномъ экстазѣ, начертавшій потомъ относительно силы и значенія этого Креста такія строки въ своей окружной патріаршей грамотѣ: «аще кто съ вѣрою восхощетъ къ тому животворящему Кресту на поклоненіе пріити, не менѣе тому силою того Животворящаго Креста благодать дастся, якоже путешествующимъ во святая Палестинскія мѣста, въ нихъ же святое свое смотрѣніе Христосъ Богъ нашъ исполни». Въ такой благодатной лѣпотѣ и при такой неописуемой церковной обстановкѣ Крестъ представляетъ поразительный видъ и вызываетъ глубокія чувства благоговѣнія и умиленія при созерцаніи онаго. Да, предстоя у Креста сего, трудно быть спокойнымъ и потому еще, что, быть можетъ, самое мѣсто предъ нимъ не разъ увлажено было каплями трудоваго пота, а также, быть можетъ, стократно смочено и горькими слезами страдальца патріарха Никона отъ сознанія людской къ нему несправедливости. При одной изъ церквей показываютъ комнату съ каменнымъ ложемъ, въ которой, по преданію, онъ жилъ во время годичнаго своего пребыванія въ обители, и колодецъ, ископанный его руками, съ обильною и чудною прѣсною водой, подающей вѣрующимъ больнымъ исцѣленіе, тогда какъ тутъ же кругомъ вода морская горько-соленая.

Въ 1854 году англійская эскадра, крейсировавшая въ Бѣломъ морѣ во время Крымской войны, навѣстила и Крестный монастырь, при чемъ двѣ пушки изъ упомянутыхъ нами выше англичане бросили въ колодецъ, икону

Божіей Матери, которая находилась въ часовнѣ, поставленной надъ деревяннымъ крестомъ Никона, изранили саблями, и увезли съ собой взятую отсюда же икону Іоанна Богослова. Къ изъязвленному образу Богоматери и мы имѣли утѣшеніе прикладываться.

Островъ Кій, на которомъ стоитъ Крестный монастырь, имѣетъ двѣ версты въ длину и полверсты въ ширину. Поверхность его холмиста и представляетъ голый камень, и только въ лощинахъ находятся наслоенія земли, поэтому растительность на немъ довольно скудная: есть сосна, мелкій можжевельникъ и изрѣдка березка; съ большимъ трудомъ устроены и огородцы, гдѣ произрастаютъ картофель, рѣпа, рѣдька, морковь, капуста и брюква.

Преосвященный съ честію встрѣченный иноками у воротъ св. обители, къ которой нужно было пройти пѣшкомъ отъ берега съ полверсты, направился прямо въ соборъ гдѣ, по окончаніи обычной молебной литіи обратился къ братіи съ краткимъ поученіемъ о потребности возвышать и не угашать духа монашеской жизни и при этомъ представилъ ей новаго, привезеннаго съ собой игумена Матѳія, преподавъ и ему нѣсколько руководственныхъ наставленій. Затѣмъ, послѣ осмотра всѣхъ церквей, ризницы и библіотеки съ архивомъ, по трапезѣ и краткомъ отдыхѣ въ покояхъ настоятеля, который принялъ насъ съ особеннымъ радушіемъ, мы, одаренные отъ него книжечками и видами монастыря, направились къ кладбищенской деревянной церкви Всѣхъ Святыхъ, находящейся въ рощѣ за монастыремъ и носящей признаки глубокой старины. Вокругъ церкви находятся разбросанныя тамъ и сямъ могилки съ скромными крестами, покрытыя травою и дикими цвѣточками, какъ бы случайно брошенными сюда чьей-то заботливою рукой. Какою-то тихою грустью вѣетъ отъ этихъ простыхъ и какъ бы забытыхъ могилокъ, скрывшихъ въ своихъ нѣдрахъ не малое число смиренныхъ тружениковъ, такъ или иначе потрудившихся для блага св. обители. Мирно, безмолвно почиваютъ они въ своихъ могилкахъ близъ дороги въ св. оби-

тель, но каждому, направляющему свои стопы въ эту обитель невольно чуется ихъ нѣмая, безмолвная рѣчь о суетѣ всего земнаго, о жизни за гробомъ, о Животворящемъ Крестѣ,—подъ сѣнію котораго только и можно найти истинный покой и освобожденіе отъ всѣхъ треволненій здѣшней грѣховной жизни.

Прибывши на пристань и обратившись лицемъ къ лицу оставляемаго, можетъ быть, на вѣки Крестнаго монастыря, мы съ молитвою на устахъ: огради насъ, Господи, силою честнаго и Животворящаго Креста Твоего и сохрани насъ отъ всякаго зла, и о вчиненіи души блаженнаго трудника, патр. Никона въ селеніяхъ праведниковъ—отбыли въ карбасѣ на пароходъ, ожидавшій насъ въ двухъ верстахъ отъ монастырскихъ твердынь для слѣдованія въ Сумскій посадъ. Теплый пріятный вѣтерокъ, ясное безоблачное небо, пріятный разносившійся въ воздухѣ бальзамическій запахъ сосны и только что распустившихся полевыхъ цвѣтковъ еще болѣе усиливали пріятное впечатлѣніе отъ всего того, что мы видѣли и слышали на Кій-островѣ.

На пути къ Сумскому посаду служилась всенощная, такъ какъ на слѣдующій день предполагалось совершеніе литургіи въ Сумѣ по случаю праздника Рождества Іоанна Крестителя, во утріе котораго всѣ сопутствовавшіе Владыкѣ вмѣстѣ съ нимъ и отправились на шлюпкѣ сначала по морю, а потомъ по рѣкѣ Сумѣ, съ опасными порогами на протяженіи около 10 верстъ, и прибыли благополучно къ мѣсту богослуженія въ 9 часовъ. Здѣсь, у пристани пріятно удивила и умилила насъ встрѣча, сдѣланная населеніемъ владыкѣ: путь къ церкви на разстояніи сотни саженей украшенъ былъ разноцвѣтными флагами на древкахъ, а жители въ праздничныхъ одеждахъ въ несмѣтномъ количествѣ стояли по обѣимъ сторонамъ набережной рѣки и на мосту и привѣтствовали прибытіе его низкимъ поклономъ и потрясаньемъ платками въ воздухѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что лѣтомъ почти все мужское населеніе посада уѣзжаетъ на Мурманъ и толпа состояла больше изъ женщинъ. Какъ

жаль, что съ нами не было фотографа, чтобы снять эту живую художественную картину лицъ, разныхъ яркихъ костюмовъ и своеобразныхъ уборовъ!

Въ посадѣ, въ одной и той же оградѣ, стоятъ одна возлѣ другой двѣ церкви: деревянная, во имя святителя Николая, и каменная въ честь Успенія Богоматери, построенная въ 1693 году; преосвященный служилъ въ первой, съ своеобразнымъ иконостасомъ и алтаремъ, уставленнымъ по всѣмъ стѣнкамъ приходскими домашними иконами, числомъ до ста. И здѣсь архипастырь не оставилъ пасомыхъ, въ числѣ коихъ много раскольниковъ, безъ назидательнаго слова: онъ говорилъ имъ, что спастись можно только принадлежа къ Церкви православной и слѣдуя ея ученію. Въ убогой ризницѣ обращаютъ на себя вниманіе древнее Евангеліе, оловянный потиръ и деревянная дарохранительница, которую преосвященный порекомендовалъ отослать въ епархіальный Архангельскій археологическій музей. Послѣ литургіи всѣ мы заходили въ находящуюся подъ церковію усыпальницу, въ которой покоится подъ спудомъ праведный Елисей мѣстно-чтимый, одинъ изъ братіи Соловецкаго монастыря, который здѣсь на рѣкѣ Выгѣ вмѣстѣ съ другими собратіями исправлялъ рыболовныя сѣти, но предувѣдомленный отъ одного прозорливаго старца о томъ, что онъ болѣе уже не будетъ ими ловить рыбы, такъ какъ вскорѣ имѣетъ послѣдовать его кончина, онъ сталъ тужить и плакать до изнеможенія, но не отъ боязни смерти, а оттого, что предъ смертію не можетъ быть постриженнымъ въ великій ангельскій образъ—схиму за неимѣніемъ священно-инока, который совершилъ бы постриженіе. Сердобольные братія утѣшали его надеждою на милость Божію, но видя чрезмѣрное истощеніе силъ предложили ему, чтобы онъ, ставъ предъ невидимое присутствіе Божіе и прочитавъ «Достойно есть», съ крестнымъ знаменіемъ возложилъ на себя схиму, призвавъ на помощь содѣйствіе молитвы и благословеніе преп. Зосимы и Савватія. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ. Настала ночь, больной былъ въ постели, и спутники

его предались сну, но когда утромъ встали, то больнаго не было съ ними въ келліи. Обратились къ поискамъ и увидѣли его идущимъ къ нимъ на встрѣчу изъ лѣса безъ схимы. На вопросъ о случившемся, онъ объявилъ: множество бѣсовъ пришло къ намъ въ келлію, напали на меня съ яростію, силою увлекли отъ васъ, сорвали съ меня схиму, но преп. Зосима отнялъ меня отъ нихъ. Схима оказалась заброшенною на дерево. Старцы послѣ этого во чтобы ни стало хотѣли доставить его въ Суму (60 верстъ), гдѣ при монастырскомъ подворьи находится іеромонахъ, но когда пустились въ путь и плыли по Сумской губѣ, возстала великая буря, волны подобились горамъ, на суднѣ разорвался парусъ, сломалась мачта, весла выбило изъ рукъ гребцовъ, и настала такая тьма, что плаватели едва видѣли другъ друга. Всѣ были въ отчаяніи, только болящій не малодушествовалъ и говорилъ едва дыша сплавателямъ: не скорбите, братіе, я вижу отца нашего Зосиму съ нами на суднѣ, онъ помогаетъ намъ. Вскорѣ за симъ мало-по-малу вѣтеръ началъ утихать, волны улеглись, настала тишина, и плаватели, отдавшись на волю Божію, безъ паруса и веселъ очутились близъ Сумскаго пристанища. Но здѣсь со скорбію увидѣли, что болящій скончался, и съ горькими слезами стали взывать къ преподобному Зосимѣ... Вдругъ въ мертвомъ обнаружилось движеніе, открылись его глаза и онъ началъ говорить здраво. Взятый на подворье, онъ постриженъ былъ въ схиму, сподобился пріобщиться св. Таинъ Христовыхъ и затѣмъ, прославивъ Бога и простившись со всѣми, опять почилъ о Господѣ. Память его мѣстно совершается іюня 14. Послѣ литургіи Сумляне считаютъ долгомъ сходить на поклоненіе къ преподобному въ его часовнѣ; равнымъ образомъ, отправляясь въ море для рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, у него же испрашиваютъ въ напутствіе благословенія и молитвъ. Исцѣленія и до нынѣ совершаются при гробѣ его съ вѣрою приходящимъ. Все это нами записано, по желанію владыки, со словъ мѣстнаго священника, изложившаго только то, что извѣстно

ему изъ собранныхъ данныхъ о жизни молитвенника и ходатая сумлянъ,— преп. Елисея, мало извѣстнаго намъ. Послѣ богослуженія мы за владыкой прослѣдовали въ квартиру настоятеля-академика, гдѣ предложенъ былъ гостямъ чай и скромная закуска, а потомъ посѣтили вмѣстѣ съ нимъ Соловецкое подворье и два училища—приходское и морское, причемъ преосвященный одѣлялъ многихъ крестиками, а нѣкоторыхъ изъ дѣтей и лакомствами, и въ два часа дня отбылъ на пароходъ совмѣстно съ сопутниками своими.

Разсказываютъ, что Великій Князь Алексѣй Александровичъ, намѣреваясь направить обратный путь свой чрезъ Суму въ С.-Петербургъ, пересѣлъ изъ своего парохода для слѣдованія по рѣкѣ въ пароходную шлюпку, но лишь только двинулся съ мѣста, какъ подъѣхали къ нему разряженныя сумлянскія дѣвушки, одѣтыя въ изящные мѣстные костюмы на своемъ карбасѣ и просили оказать имъ милость пересѣсть на ихній карбасъ. Князь долго не соглашался, сомнѣваясь въ ихъ правоспособности быть искусными кормчими, но наконецъ уступилъ усиленной ихъ просьбѣ, и они лихо, энергично ударяя веслами, съ веселыми пѣснями быстро помчались по морю, а потомъ и по рѣкѣ на разстояніи 12-ти верстъ до самого посада. Князь за такой нежданный и въ высшей степени понравившійся ему сюрпризъ отъ смѣлыхъ и лихихъ Сумлянокъ подарилъ имъ на память ту шлюпку, на которой онъ выѣхалъ было съ своего парохода. Чтобы это не показалось многимъ неправдоподобнымъ, достаточно будетъ замѣтить, что въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, начиная съ весны и до глубокой осени, остаются въ поселкахъ только однѣ женщины, а мущины всѣмъ обществомъ отправляются на заработки, и мы сами на протяженіи 2.500 верстъ, которыя проѣхали по водамъ, вездѣ видѣли однѣхъ женщинъ гребцами и на лодкахъ и на большихъ карбасахъ, да и владыку и всѣхъ насъ, какъ увидимъ ниже, перевозили женщины.

Когда мы, по пріѣздѣ изъ Сумы, взошли на оставленный

нами предъ симъ пароходъ «Архангелъ Михаилъ», то увидѣли тамъ новаго интереснаго пассажира, римско-католическаго бискупа, викарія Могилевскаго митрополита всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, съ тремя ксендзами, уполномоченнаго обозрѣть отъ Архангельска до Томска всѣ подлежащіе его вѣдѣнію костелы. Владыка, узнавъ объ этомъ, послалъ пригласить его въ пароходную рубку, въ которой мы въ то время находились. Бискупъ не заставилъ себя долго ждать. Послѣ привѣтствій бискупъ не приминулъ замѣтить, что православная русская церковь не можетъ-де похвалиться своими успѣхами и апостольскою ревностію, а въ духовной ея литературѣ проглядываетъ по временамъ протестантизмъ, или раціонализмъ. Ему отвѣтили, что не Риму укорять Русскую церковь протестантизмомъ, который всѣмъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ обязанъ именно Риму; указали и на широкое распространеніе Русской церкви и на многочисленные примѣры апостольской ревности сыновъ ея и притомъ не только въ предѣлахъ необъятнаго русскаго государства, но и далеко за его предѣлами. Указалъ владыка и на такъ-называемый Евхаристическій католическій конгрессъ, созванный нынѣшнимъ папой въ Іерусалимѣ. По мнѣнію владыки — это явный, хотя внѣшне и замаскированный, дипломатическій походъ противъ *увеличивающагося въ Палестинѣ вліянія* нашей Русской Православной церкви въ сферѣ православно-духовно-просвѣтительной дѣятельности. Бискупъ не желалъ сознаться и твердилъ одно, что такіе конгрессы у нихъ не новость, и бывали назначаемы по временамъ и прежними папами въ разныхъ городахъ, а теперь пожелалось назначить для этого колыбель христіанства—св. градъ Іерусалимъ и пр. Время въ бесѣдѣ шло быстро и настало время обѣда. Владыка своимъ привѣтливымъ обращеніемъ, разумной тактикой и эрудиціей такъ подѣйствовалъ на бискупа, что онъ на приглашеніе отобѣдать съ нимъ и съ сопутниками, а вечеромъ присутствовать за всенощной, изъявилъ полное свое согласіе. Бискупъ состоитъ, между прочимъ, и ректоромъ римско-

католической академіи и, съ папистической точки зрѣнія, вполнѣ соотвѣтствуетъ по уму и образованію занимаемымъ постамъ.

Изъ Сумы мы благополучно, при прекрасной погодѣ, прибыли обратно въ Соловки, на слѣдующій день 25 іюня владыка совершилъ первую тамъ литургію съ 8 сослужащими іереями и іеромонахами (въ томъ числѣ и мы) въ Преображенскомъ соборѣ въ богатыхъ монастырскихъ облаченіяхъ, при блистательной обстановкѣ и тысячахъ поклонниковъ разныхъ званій и состояній. Неутомимый въ служеніи и проповѣданіи, владыка, по окончаніи литургіи, произнесъ живымъ языкомъ назидательное слово о подвижнической жизни основателей Соловецкой обители и о славѣ ея во всей Россіи,—съ обращеніемъ къ монашествующимъ—подражать жизни преподобныхъ, и къ посѣтителямъ обители—съ благоговѣніемъ посѣщать оную, чтобы молитвами угодниковъ снискать милость Божію и спасеніе.

Около 5 часовъ вечера, въ тотъ же день владыка и мы отправились на томъ же пароходѣ въ г. Кемь, отстоящій отъ Соловокъ на 60 верстъ, при довольно благопріятной и тихой погодѣ, хотя и довольно свѣжей и, не доходя 12 верстъ до него, пересѣли на выѣхавшій къ намъ на встрѣчу съ мѣстнымъ благочиннымъ карбасъ, крытый до половины кожами на случай дождя и управляемый четырьмя бабами. Владыка съ о. архимандритомъ Соловецкимъ вынуждены были, по причинѣ низкой крыши, совершать путь лежа въ лодкѣ, а мы до 5 душъ усѣлись на открытыхъ подмосткахъ. Для сокращенія часовъ нелегкаго плаванія, владыка предложилъ каждому изъ сопутниковъ, чередуясь, разсказать что-либо интересное и поучительное изъ своей жизни, что съ охотою и принято было всѣми, не исключая и его самого. Благодаря этому время плаванія прошло незамѣтно, и мы чрезъ три часа очутились у городскихъ береговъ, гдѣ царила невозмутимая тишина, какъ среди ночи, хотя солнце было еще высоко, и ни одинъ обитатель сего города не тронулся изъ своего гнѣзда на встрѣчу своему архипастырю,

Русскій Аѳонъ—
Соловецкій монастырь

исключая оффиціи—помощника исправника и его деньщика, у которыхъ владыка спросилъ: нельзя ли достать экипажа, чтобы проѣхать въ виднѣвшійся вдали соборъ,—(другой церкви кромѣ недавно устроенной единовѣрческой—нѣтъ) на что получилъ изумившій всѣхъ насъ отвѣтъ: въ нашемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, ни экипажа. Преосвященный, несмотря на утомленіе, заходилъ въ единовѣрческую церковь и потомъ отправился пѣшкомъ со всѣми спутниками къ собору, въ которомъ встрѣченъ былъ духовенствомъ и сотнею сбѣжавшагося по звону народа, къ которому и обратился съ энергичною рѣчью о томъ, что онъ есть призванный Верховною Властію и Богомъ на служеніе паствѣ Архангельской и имѣетъ право надѣяться, что его здѣсь почтутъ какъ архипастыря, законно поставленнаго, и небудутъ чуждаться имѣть съ нимъ общеніе въ молитвѣ, къ которой и приглашалъ ихъ собраться на завтра во храмъ, гдѣ имъ будетъ совершена литургія, и передать это приглашеніе отсутствующимъ.

Жалость взяла насъ, взирая на наружный и внутренній видъ Кемскаго единственнаго Дома Божія, не имѣющаго подобающаго ему образа, ниже какой-либо доброты: осунувшіяся деревянныя столпостѣны отъ древности и ветхости почернѣли и покрылись мхомъ, внутренность загромождена подпорками, иконы въ иконостасѣ вмѣсто ажурныхъ золоченныхъ рамокъ задѣланы «въ шелевочныя» дощечки, закрашенныя синей краской, иконопись вездѣ Суздальской работы и во храмѣ царитъ полумракъ, наводящій глубокое уныніе.

Передавали намъ, что Великій Князь Алексѣй Александровичъ въ бытность свою въ Кеми въ 1870 г. посѣтилъ и помянутый соборъ. Плѣненный его старинною архитектурою и патріархальною простотою внутренней отдѣлки его и украшеній, онъ выразилъ желаніе реставрировать его на свой счетъ съ оставленіемъ всего въ прежнемъ видѣ, что и было исполнено. Но всесокрушающее время взяло опять свое: храмъ по прежнему нуждается въ поддержкѣ, но ея

неоткуда ждать, такъ какъ городъ весьма бѣденъ и малъ населеніемъ, въ немъ не болѣе 1.200 душъ обоего пола, изъ коихъ болѣе двухъ третей раскольниковъ, которые даже во время шествія владыки во храмъ и обратно злобно посматривали на него изъ за оконныхъ занавѣсокъ.

На слѣдующій день послѣ совершенія литургіи, за которой опять произнесено было преосвященнымъ прекрасное слово, цѣлью котораго было возбудить вѣрующихъ быть стойкими въ вѣрѣ и не поддаваться злому искушенію лжеучителей, прельщающихъ неопытныхъ обѣщаніемъ спасенія, тогда какъ оно вполнѣ достижимо только въ единой истинной Церкви, онъ посѣтилъ мѣстнаго голову,—въ домѣ котораго совершалось и всенощное бдѣніе,—воинскаго начальника, шкиперскіе курсы и внимательно осматривалъ болѣе 10-ти лѣтъ строющійся каменный соборъ, который и былъ главною цѣлью посѣщенія имъ гор. Кеми.

Замѣчательно, что этотъ городъ не имѣетъ почти ни одной сплошной улицы, ни даже добропорядочнаго переулка и расположенъ зигзагами по отлогой возвышенности, усѣянной оврагами и рытвинами съ одной стороны; а съ другой—отъ сѣверовостока стѣсняемый и размываемый окружающими его водами такъ, что и самый новостроющійся соборъ примыкаетъ къ самой рѣкѣ, благодаря выдавшейся изъ нея единственной ровной площадкѣ. Нелишнимъ считаемъ прибавить и то, что г. Кемь принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ городовъ, гдѣ въ теченіе трехъ весеннихъ мѣсяцевъ не получается и не посылается ни казенной ни частной корреспонденціи, и кемляне, отрѣзанные отъ всего остальнаго міра, находятся въ теченіи четверти года въ невѣдѣніи, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Послѣ двухчасоваго пѣшаго хожденія по стогнамъ городскимъ, а потомъ чая и трапезы у настоятеля собора, мы съ владыкой и прочей братіей отправились обратно въ Соловки, куда и прибыли въ 7 часовъ вечера.

Такъ какъ время пребыванія нашего въ Соловецкой обители близилось къ концу, то мы не теряли напрасно ни

одной минуты свободнаго времени, и лишь только окончилась вечерня двинулись крытымъ ходомъ по стѣнамъ ограждающимъ и охраняющимъ обитель, простирающимся въ окружности болѣе чѣмъ на версту. Чтобы судить о солидности ихъ достаточно упомянуть, что онѣ строились 12 лѣтъ изъ гранитныхъ осколковъ и плитъ, доходящихъ въ иныхъ мѣстахъ до трехъ и болѣе саженей длины; вышина стѣнъ равняется четыремъ саж., а ширина около двухъ саж. Въ настѣнной крышѣ, а равно и на св. храмахъ и гостинницахъ, во многихъ мѣстахъ виднѣются пробоины отъ англійскихъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, которыя, собранныя по обители и вокругъ ея, сложены подъ небольшой колокольней въ количествѣ до 200 штукъ. Въ подстѣнной аркѣ замѣчательны необыкновенно тяжелыя деревянныя ворота, ведущіе въ обитель, обитыя толстымъ желѣзомъ и съ хитрыми громадными запорами. Въ этой же аркѣ висятъ въ маломъ размѣрѣ двѣ деревянныя модели старинныхъ кораблей, на коихъ во время двукратнаго посѣщенія Соловецкой обители пріѣзжалъ Петръ I. Подъ этой же аркой шествовали для молитвы и поклоненія у мощей преподобныхъ Зосимы и Савватія Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Алексѣй Александровичъ и Императоръ Александръ II. Въ одной изъ стѣнныхъ башенъ помѣщается арсеналъ съ древними воинскими вооруженіями, который и мы непреминули посѣтить, чтобы имѣть приблизительное понятіе о нихъ. Такого, почти негоднаго къ употребленію, оружія имѣются: до десятка пушекъ самаго малаго калибра, ружей сотенъ до пяти, сотня-другая пикъ, бердышей и деревянныхъ стрѣлъ съ тетивами къ нимъ, нѣсколько пистолетовъ и аллебардъ, сабель и шпагъ до двухъ десятковъ и небольшое количество пищалей и оборванныхъ знаменъ и флаговъ. Диву дивишься, какъ наши предки съ такими примитивными способами обороны не только вели войны, но даже побѣждали многочисленныхъ враговъ. Затѣмъ, поклонившись предъ гробницами преподобныхъ Германа и Иринарха въ ихъ часовняхъ, посѣтивъ усыпальницу свят.

Филиппа и больницу съ церковью, въ которой между монастырскими братіями выдѣлялся монахъ съ медалью на рясѣ, полученною имъ за защиту обители двухъ-пушечною батареей въ Крымскую войну, мы потомъ отправились съ владыкой на біологическую станцію, помѣщающуюся внѣ монастыря, въ особомъ зданіи въ лѣсу, за докомъ. Въ ней каждогодно проживаютъ въ каникулярное время нѣсколько студентовъ - естественниковъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, исключая Харьковскаго и Томскаго, и подъ руководствомъ и контролемъ одного изъ профессоровъ занимаются изслѣдованіемъ моря и ловлею органическихъ насельниковъ онаго, изъ коихъ рѣдкіе, а болѣе всего еще неизвѣстные по зоологіи экземпляры, замуровываются въ банки со спиртомъ и посылаются въ музеи помянутыхъ учрежденій, а также оставляются и въ кабинетахъ станціи, вслѣдствіе чего въ теченіе десяти лѣтъ составилась здѣсь значительная коллекція ихъ, весьма необходимая и интересная и для людей науки и для любителей отечественнаго просвѣщенія. Зданіе, содержаніе онаго и студентовъ—отъ обители. На прощаньи, нѣсколько экземпляровъ отъ имѣющихся коллекцій поднесено было и преосвященному.

Въ воскресеніе 27 іюня было послѣднее архіерейское служеніе въ Соловецкой обители, послѣ котораго владыка и всѣ гости обѣдали въ братской трапезѣ, весьма обширной, росписанной фресками и священными изображеніями. Меню обѣда состояло изъ бѣломорскаго соленаго сельдя, ботвиньи съ просоленной рыбой, лукомъ и свѣжими огурцами, ухи изъ свѣжей рыбы и пшенной каши. Засимъ послѣ краткаго отдыха состоялась поѣздка на лошадяхъ въ Филиппову пустынь, находящуюся въ $2^1/_2$ верстахъ отъ монастыря, и на островъ Муксальму въ 10 верстахъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о первой. Она названа *Филипповою* потому, что св. Филиппъ, бывшій Соловецкимъ игуменомъ, по временамъ уединялся въ нее для безмолвія молитвы и богомыслія. Именуется она еще и *Іисусовою* по слѣдующему случаю. По преданію, незадолго предъ тѣмъ

какъ Филиппъ имѣлъ быть избраннымъ въ московскаго митрополита, на молитвѣ явился ему Іисусъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, въ оковахъ, униженный, обагренный кровію, съ ранами на тѣлѣ, въ такомъ видѣ, какъ Онъ, послѣ поруганій и біеній предъ судилищемъ Пилата, веденъ былъ въ темницу. На мѣстѣ этого явленія брызнули изъ земли струи чистой воды ключевой. Въ память этого чуднаго явленія на семъ мѣстѣ въ то время—въ 1565 г.—Филиппъ поставилъ часовню и устроилъ изъ дерева рельефное изображеніе Іисуса Христа наподобіе видѣннаго имъ, а тамъ, гдѣ брызнула вода изъ земли, велѣлъ ископать колодецъ. Къ этому поразительному изображенію и мы прикладывались, и этой весьма здоровой и холодной воды и мы испили всласть. Нужно замѣтить, что это знаменательное мѣсто съ любовью и благоговѣніемъ посѣщаютъ всѣ соловецкіе богомольцы, служатъ молебны предъ страждущимъ Спасителемъ, освящаются кропленіемъ и питіемъ чудной воды, и по силѣ вѣры получаютъ отъ ней здравіе. Надъ колодцемъ въ 1856 году устроена церковь во имя Живоноснаго Источника Богоматери, а помянутое изображеніе Іисуса Христа находится въ иконостасѣ въ нарочито устроенной нишѣ въ видѣ темницы. При выходѣ изъ храма, на особомъ постаментѣ лежитъ небольшой дикій, какъ бы отполированный кѣмъ-либо, камень, служившій возглавіемъ св. Филиппу, который и заповѣдалъ его хранить. Мѣстность здѣсь такъ очаровательна, что невольно льются тутъ изъ устъ богомольца хвалебные гимны Творцу красотъ природы, и не хочется разстаться съ ними.

Пріободренные молитвой предъ обагреннымъ кровію Искупителемъ и освѣженные ключевою водой, мы пустились въ дальнѣйшій путь на Муксальмскій островъ, гдѣ пожелалось владыкѣ и намъ осмотрѣть мостъ, плотину или гать, соединяющую Соловецкій островъ съ Муксальмою, и монастырское хозяйство. Даль широко раздвинулась предъ нами, но чрезъ полтора часа мы были уже у берега синяго, глухо шумѣвшаго моря, чрезъ заливъ котораго, изливающійся по-

срединѣ быстрымъ потокомъ въ другіе мелкіе острова, тянется каменная плотина, а на половинѣ ея устроенъ деревянный мостъ; онъ утвержденъ на двухъ каменныхъ устояхъ, расположенныхъ на самой быстринѣ, ширина ихъ въ основаніи 4 сажени, подъ мостомъ безпрепятственно проходятъ мелкія судна. Двѣ половины гати около 700 саженей до дна морскаго завалены каменьями, покрыты щебнемъ и пескомъ и тянутся зигзагами. По краямъ этого сооруженія навалены громадные валуны, цѣлыя скалы, о которыя разобьется всякая ледяная масса, прежде нежели пронесется далѣе. Трудно вѣрить не видѣвъ, что горсть монаховъ могла создать это чудо труда и генія. Сколько усилій нужно было потратить на эту стихійную работу страшно и подумать. Это кажется скорѣе дѣломъ природы, чѣмъ твореніемъ рукъ человѣческихъ. И все это сдѣлано безъ помощи машинъ — одною ручною рабочею силою. И между тѣмъ это сооруженіе есть своего рода Эйфелева башня, на которое нарочито пріѣзжаютъ смотрѣть много высокопоставленныхъ лицъ и даже царственныя особы; до нельзя поражены были и мы: такъ Господь умудряетъ и даетъ силу младенцамъ по разуму, но мужамъ крѣпкимъ вѣрою и упованіемъ на Него.

Устройство правильнаго постояннаго сообщенія съ Муксальмою, гдѣ содержится монастырское хозяйство, было насущною потребностію, устранило многія затрудненія и предотвратило бѣдствія случавшіяся нерѣдко въ прежнее время, когда не было плотины и моста, и пловцы, застигаемые на пути бурей, были уносимы въ открытое море и тамъ погибали со всѣмъ скотомъ и скарбомъ.

Но вотъ и самая Муксальма, зеленѣющая пастбищами. Возлѣ насъ прошло до 50 коровъ необыкновенно красивыхъ, изъ коихъ, какъ передавалъ намѣстникъ, нѣсколько экземпляровъ препровождено было на Архангельскую выставку, послѣ которой онѣ, какъ лучшія по качеству, были запроданы тамъ по 250 рублей каждая. Сначала мы зашли въ имѣющуюся здѣсь церковь во имя пр. Сергія, а потомъ

осмотрѣли и всю ферму. Все здѣсь достойно удивленія, похвалы и подражанія и со стороны мірянъ-хозяевъ. Птичій и скотской дворы содержатся чистоплотно; въ молочномъ отдѣленіи отапливаемая комната для сквашиванія молока—опрятна до вычурности, въ кладовой мѣдныя хорошо вылуженныя посудины для молока сіяютъ какъ зеркало. Здѣсь не доятъ коровъ въ деревянныя ведра, а въ металлическія. Прохладная горница для храненія молочныхъ продуктовъ и рядомъ ледникъ—верхъ хозяйственнаго удобства и чистоты. Мы съ намѣреніемъ упомянули объ этомъ, чтобы богомольцы обоего пола, имѣющіе подобное хозяйство, воздавая въ Соловецкой обители Божіе-Богови, вмѣстѣ съ этимъ не преминули бы заглянуть и на Муксальмскую ферму и, съ должнымъ вниманіемъ осмотрѣвши здѣсь все хозяйство, по возвращеніи домой, завели бы и у себя такой раціональный порядокъ для собственнаго же блага.

Когда мы возвращались назадъ, намъ разсказывали, что на одной изъ отмелей Бѣлаго моря найденъ былъ въ одно время молодой китъ, затертый льдомъ, длиною въ 12 сажень, котораго на буксирѣ притянули въ ближнюю къ монастырю губу, и вынуто изъ него сала до 1.300 пудовъ.

Чрезъ два часа мы были уже въ монастырѣ, выглядывающемъ съ сѣверной стороны настоящимъ городкомъ, подобно Кіевской Лаврѣ, и по пріѣздѣ опять занялись изслѣдованіемъ его быта. Отъ появленія своего на свѣтъ на бѣломорскихъ твердыняхъ онъ считаетъ до 500 лѣтъ. Въ немъ имѣется теперь до 15 церквей, изъ коихъ въ одной—Зосимо-Савватіевской—находится самое цѣнное, привлекающее сюда всѣхъ сокровище—мощи пр. Зосимы и Савватія—первоначальниковъ Соловецкихъ, надъ гробами коихъ устроены серебряныя художественной работы сѣни. Изъ лампадъ, висящихъ надъ мощами, обращаетъ вниманіе золотая лампада—личное приношеніе Императора Александра II. Изъ многочисленныхъ дорогихъ иконъ замѣчательны — чудотворныя: «Сосновецкая» или Сосновская, явившаяся въ древнее время при морской губѣ сего же

имени; «Хлѣбенная или Запечная» явившаяся св. Филиппу въ бытность его на послушаніи въ монастырской хлѣбнѣ; «Знаменія Богоматери», въ которой поверхъ лика ея осталась язвина отъ вражескаго раскаленнаго ядра въ Крымскую войну, а другое начиненное ядро ударилось пониже лика Божіей Матери, пролетѣло сквозь икону и стѣну и было найдено на другой годъ послѣ войны; и икона Тихвинской Богоматери. При трапезномъ Успенскомъ соборѣ устроена хлѣбопекарня съ двумя огромными печами, въ коихъ въ каждой помѣщается до 150 хлѣбовъ по 25 фунтовъ вѣса; тутъ же сохраняется пяти-пудовой дикій камень, служившій возглавіемъ послѣ трудовъ для отдыха св. Филиппу вмѣсто подушки. При всѣхъ церквахъ до 90 колоколовъ, изъ коихъ на одной соборной колокольнѣ до 42 и самый большій въ 1.140 пудовъ; на ней же достойны замѣчанія часы отбивающіе колоколомъ каждую минуту и этимъ оказывающіе весьма важную нравственную услугу и насельникамъ обители и приходящимъ богомольцамъ, напоминая имъ назойливо о скоротечности и невозвратности времени, о приближеніи съ каждою минутой къ вѣчности, о сокращеніи нашей временной жизни и о готовности каждое мгновеніе предстать на судъ предъ Творца временъ. Настоятелей въ Солов. обители, за все время, начиная отъ перваго—св. Зосимы и кончая настоящимъ, было—59. Имя нынѣ здравствующаго—Варлаамъ. Это архимандритъ, умный, энергичный и дѣятельный, и таковый же намѣстникъ его, іеромонахъ Іоанникій, которымъ шлемъ издалека глубокій поклонъ за ихъ радушіе и гостепріимство. Остальной братіи: 38 іеромонаховъ, 25 іеродіаконовъ, мантейныхъ монаховъ 96, указныхъ послушниковъ—89, а живущихъ по обѣту рабочихъ—до 1.000 душъ, въ числѣ ихъ есть много мальчиковъ отъ 10 лѣтъ, изъ коихъ составляется внушительная пѣвческая капелла; богомольцевъ въ теченіи паломническаго періода бываетъ до 15-ти тысячъ.

Въ Соловецкомъ монастырѣ есть: финифтчики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восков-

щики, механики, скотоводы, сыровары, строители, рѣзчики, столяры, кузнецы, гончары, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы. Есть великолѣпныя хозяйственныя помѣщенія, кладовыя, квасныя, хлѣбныя. Монастырь имѣетъ свой докъ, два парохода и морскую шкуну, на которой монахи ловятъ рыбу.

Уставъ общежитія въ семъ монастырѣ, по образцу уставовъ древнихъ общежительныхъ россійскихъ монастырей, соотвѣтственно мѣстному положенію обители, преданъ отъ основателя оной преподобнаго игумена Зосимы. Въ древнемъ Соловецкомъ типикѣ онъ излагаетъ въ такихъ словахъ: «Игуменъ и священницы, и соборные старцы, и вся братія ядятъ и піютъ въ трапезѣ яства всѣмъ ровна, и по келліямъ опричъ немощной братіи отнюдь столы не бываютъ; и съ трапезы выносу яствъ и питію не бываетъ. Одежду всякую и обувь даютъ всѣмъ изъ казны, а келліи священницы и братія кому изойдется, покупаютъ, а которые не купятъ, и они въ казенныхъ живутъ. А доходу священникамъ и братіи, служебникомъ въ монастырѣ, и поволостемъ, и поприказамъ и по всѣмъ службамъ, указнаго нѣтъ ни котораго, потому что всѣмъ всякая потреба отъ казны». Этотъ уставъ и понынѣ во всей точности исполняется, и только установленіе покупать келліи съ давняго времени уничтожилось.

Приспѣлъ, наконецъ, и часъ назначенный для отъѣзда изъ обители. Жаль было оставлять ея святыни, чудную ея природу. Хотѣлось еще побродить въ лѣсахъ Соловецкаго архипелага, посидѣть на берегахъ его озеръ, и еще разъ, другой окинуть послѣднимъ взоромъ чудные его острова. Послѣдній разъ массы елей и сосенъ сверкали предъ нами живописнымъ ландшафтомъ. Послѣдній разъ отдавался въ ушахъ нашихъ неугомонный крикъ бѣломорскихъ чаекъ.

Въ пять часовъ вечера раздался звучный ударъ тысячепудоваго монастырскаго колокола, призывавшаго въ соборъ на напутственный молебенъ хотящимъ плыти по водамъ. Владыка и мы, сопутники его, благоговѣйно преклонивъ колѣна предъ раками почивающихъ Соловецкихъ угодни-

ковъ, усердно молились о благополучіи нашемъ въ предлежащемъ намъ морскомъ пути. Молитва съ лобызаніемъ св. мощей окончена; владыка направился къ выходу чрезъ монастырскія ворота; на колокольнѣ загудѣли сорокъ два колокола, и торжественные ихъ звуки разливались какъ волны по лѣснымъ рощамъ острова. Пора и намъ. Богомольцы цѣлыми группами потянулись къ пароходу изъ гостепріимно пріютившей ихъ обители, и предъ трапомъ, обратившись на минуту лицемъ къ ней, клали въ послѣдній разъ земные поклоны. У пристани собрались монахи: то была старшая монастырская братія во главѣ съ архимандритомъ, провожавшая стройнымъ пѣніемъ Богородична въ престольный градъ святителя Архангельской церкви—доблестнаго владыку Никанора. Первый свистокъ... второй... на палубу собрались пассажиры всѣхъ классовъ, тутъ заняли и мы мѣстечко. Владыка пригласилъ публику обнажить головы, а пѣвчихъ пропѣть умилительное—«Нынѣ отпущаеши», по окончаніи котораго благословилъ народъ на всѣ четыре стороны,—третій свистокъ... и пароходъ «Архангелъ Михаилъ» медленно началъ отчаливать отъ берега.

Долго, долго мы стояли на верху парохода и пристально и молчаливо всматривались во всѣ подробности оставляемаго нами очаровательнаго и гостепріимнаго Сѣвернаго Русскаго Аѳона, чтобы до гроба удержать въ своей памяти и въ пріятномъ воспоминаніи симпатичныя черты его. Чрезъ часъ, едва, едва видны были туманныя очертанія его... тутъ куда ни взглянешь—безграничный просторъ моря... Намъ было невыразимо тяжело. Съ грустью въ сердцѣ, но вмѣстѣ съ благодарностію, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ мы произнесли: Преподобные Зосимо и Савватіе! Сотворите милость да нынѣшнее наше дальнее странствіе въ вашу обитель не будетъ вотще. А ты Зосимо-Савватіевскій русскій Аѳонъ прости, быть можетъ, на всегда! Никогда не забудемъ приснопамятнаго и привѣтливаго настоятеля твоего о. арх. Варлаама съ добродушнымъ намѣстникомъ о. Іоанникіемъ и всей о Христѣ братіи твоей. А данныя намъ въ твоихъ стѣнахъ преудобный пріютъ, а твои изобильныя

и превкусныя духовныя и вещественныя ястія и питія навсегда будутъ запечатлѣны въ нашемъ признательномъ сердцѣ.

Наше обратное плаваніе было очаровательною прогулкой. Наступала ночь. Солнце садилось чуть не въ двѣнадцать часовъ. Мимо парохода проплыло нѣсколько поморскихъ шкунъ. Становилось свѣжо... Мы ушли въ каюту. На другой день, незадолго до приближенія къ Архангельску, когда мы вышли на палубу, на юго-востокѣ въ это время заблистали куполы городскихъ церквей, и можно было отличить контуры каменныхъ зданій набережной. Скоро пароходъ причалилъ къ пристани Соловецкаго архангéльскаго подворья,—въ это время сталъ накрапивать тихій и частый дождикъ. При прощаніи съ незабвеннымъ арх. архипастыремъ, мы горячо облобызали его святительскую десницу, въ глубокой догробной благодарности и признательности за доставленную намъ возможность со всѣмъ удобствомъ совершить морской путь, обозрѣть Соловецкій островъ, помолиться и поклониться святынямъ его и окружныхъ градовъ и весей.

Путешествіе въ Соловецкую обитель особенно для того, кто совершалъ его въ первый разъ, сколько было пріятно, столько полезно и назидательно. Было что посмотрѣть изъ любознательности, было чему поучиться, было чѣмъ хотя на время успокоить душу, волнуемую суетою мірской жизни. Поучительны труды монашествующей братіи въ этомъ какъ бы особенномъ княжествѣ, гдѣ всѣ его учрежденія и администрація находятся въ такомъ прекрасномъ состояніи и въ такомъ стройномъ порядкѣ.

Намъ же, кого жизнь придавила свою тяжелою пятою, намъ, чье ложе было не разъ омочено слезами, чьи рыданія слышала равнодушная темная ночь, намъ разбитымъ, намъ раздавленнымъ, намъ униженнымъ—Русскій Сѣверный Аѳонъ показался земнымъ Эдемомъ съ лучезарною надписью: Пріидите ко Мнѣ труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы!..

Свящ. Александръ Анисимовъ.

Г. Изюмъ, 1893 г.